

ЦЕНА СЛОВА:
новые грани
диффамации

ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ СМИ

ЦЕНА СЛОВА:
новые грани диффамации

ВОРОНЕЖ
2013

ЦЗ7
УДК [343.41:070](035)
ББК 67.400.7я2+67.408я2+76.0я2

Книга издана при поддержке Европейского Союза.
Содержание публикации является предметом ответственности
Регионального Фонда «Центра Защиты Прав СМИ» и не отражает точку зрения
Европейского Союза

Редактор – Арапова Г. Ю.

Коллектив авторов:
Арапова Г. Ю. – гл. 2, 4
Кузеванова С. И. – гл. 3, 4
Ледовских М. А. – гл. 1, 4

Оформление:
Ледовских И. Ю.

ЦЗ7 ЦЕНА СЛОВА: новые грани диффамации / авт. Г. Ю. Арапова,
С. И. Кузеванова, М. А. Ледовских, под ред. Г. Ю. Араповой– Воронеж:
ООО фирма «Элист», 2013. – 112 с.

ISBN 978-5-87172-061-5

Издание представляет собой анализ диффамационного законодательства России с учетом последних изменений и нововведений в трех правовых измерениях: защита чести, достоинства и деловой репутации, клевета и оскорбление. В книге подробным образом рассмотрены вопросы применения новых составов по клевете и оскорблению, дана оценка новой редакции ст. 152 Гражданского кодекса РФ, регулирующей порядок защиты от диффамации в гражданском порядке. Наряду с оценкой последних изменений законодательства приводится анализ существующей судебной практики по делам о диффамации.

Книга предназначена для журналистов, юристов, судей и иных лиц, интересующихся медиа правом, в целом, и вопросами диффамации, в частности.

УДК [343.41:070](035)
ББК 67.400.7я2+67.408я2+76.0я2

ISBN 978-5-87172-061-5

© РФ «Центр защиты прав СМИ», 2013
© Арапова Г. Ю., Кузеванова С. И., Ледовских М.А., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

Глава 1

Гражданско-правовая диффамация	7
--------------------------------------	---

Защита чести, достоинства и деловой репутации: новые изменения законодательства	7
--	---

Защита чести, достоинства и деловой репутации умершего	13
--	----

Опровержение, как мера восстановления нарушенного права на честь, достоинство и деловую репутацию: новые положения законодательства	14
---	----

Право на ответ. Новые возможности для истцов	14
--	----

Новый деликт: распространение не соответствующих действительности сведений	17
---	----

Возмещение морального вреда юридическим лицам запретили, но вопросы остались	18
---	----

Удаление сведений, изъятие и уничтожение тиража	21
---	----

Позиция Европейского Суда об удалении сведений с Интернет-сайта	22
--	----

Как избежать правовых рисков	24
------------------------------------	----

Глава 2

Клевета.....	27
--------------	----

Что такое клевета?	28
--------------------------	----

Примеры судебной практики	32
---------------------------------	----

Позиция Европейского Суда и Совета Европы относительно уголовного преследования за диффамацию	35
--	----

«Распространение» заведомо ложных сведений. Соболева А. К., Монахов В. Н. Толкование понятия «распространение» в контексте применения норм уголовного права о клевете в печати	41
---	----

Глава 3	
Оскорбление	53
Исторический ракурс	53
Понятие, основные признаки и практика применения	55
Новый состав оскорбления	60
Оскорбление в гражданском процессе	61
Оскорбление «глазами» лингвиста. Стернин И. А. Разграничение «речевого» и «юридического» оскорбления	65
 Глава 4	
Законодательство о диффамации	73
Международные документы (извлечения)	73
Российское законодательство (извлечения)	91
Виды диффамации (схема)	110

ПРЕДИСЛОВИЕ

Право на свободу слова, гарантированное статьей 29 Конституции РФ, и право на защиту чести и доброго имени, предоставленное каждому статьей 23 Конституции РФ – равнозначные конституционные права, конфликт которых в судебном порядке разрешается в порядке диффамационных споров и путем привлечения к ответственности за клевету (ст. 128.1 УК РФ) и оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ). При этом, поскольку оба права значимы, и каждое по-своему представляет большую ценность для человека, а иногда и для общества в целом, то особенно важно, чтобы при разрешении конфликта этих двух прав был найден тонкий, иногда ускользающий в эмоциях и субъективных оценках спорной ситуации баланс. На это специально было указано Верховным Судом РФ, который сориентировал суды на то, чтобы они при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации

«обеспечивали равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами - свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (статьи 23, 29, 33 Конституции Российской Федерации), с другой.»¹

Это равновесие искать непросто. Для сбалансированного решения нужны и опыт разрешения таких споров, и знания не только российских норм права, но и международных стандартов, практики Европейского Суда по правам человека, а также понимание сложных механизмов работы редакций СМИ и журналистов (когда споры касаются распространения информации в СМИ), особенностей функционирования сетевых-изданий в Интернете и т.д. Это делает данные категории дел не такими уж и простыми.

При этом мы наблюдаем нарастающий дисбаланс в правовом регулировании данной сферы. За последние несколько лет был принят целый ряд законов, серьезно и не всегда мотивированно ограничивающих свободу распространения информации, в частности, (1) о гражданах и (2) в Интернете.

Пространство свободы слова и свободы выражения мнения в России сужается. При этом диффамационные претензии остаются наиболее распространенными

претензиями к журналистам, когда герои публикаций (а точнее антигерои) подают в суд иски о защите чести и достоинства, инициируют уголовные дела по клевете, а иногда и то и другое одновременно. Это часто представляет собой инверсию ответственности, когда вместо привлечения к ответственности нерадивого чиновника мы наблюдаем обратную ситуацию - он подает в суд на журналиста и редакцию и тем, приходится доказывать и достоверность распространенных фактов, и важность обнародования данных фактов в защиту общественных интересов и свое право высказывать критическое мнение по этому поводу.

Российский феномен рекриминализации диффамации (возврат уголовной ответственности за клевету после ее отмены), нелогичный и вызывающий массу претензий со стороны медиасообщества, вообще стоит отдельного анализа и видимо этому еще придется уделить внимание в будущем. Мы вернемся к этому вопросу, когда судебная практика достигнет определенной критической массы, чтобы можно было говорить о тенденциях и делать выводы о качестве такой правовой реформы и ее последствиях, о том, как это отразилось на работе прессы, и кто чаще всего пользуется предоставленным механизмом защиты репутации.

Пока же мы рассмотрим последние изменения в диффамационном законодательстве, как именно «усовершенствовала» механизм защиты репутации Государственная дума РФ и чем это потенциально грозит свободе слова и свободе распространения информации в СМИ.

Галина Арапова

Директор, ведущий юрист
Центра защиты прав СМИ

g.arapova@gmail.com

Гражданско-правовая диффамация

Глава 1

ГЛАВА 1

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ДИФФАМАЦИЯ

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ: НОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

По действующему в Российской Федерации законодательству каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени. В Гражданском Кодексе РФ (далее – ГК РФ) защите чести, достоинства и деловой репутации посвящена ст. 152. В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2013 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» говорится, что

«используемое Европейским судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащегося в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Однако установленный в ст. 152 ГК РФ порядок защиты чести, достоинства и деловой репутации кардинально изменился с принятием 2 июля 2013 года и вступлением в силу 1 октября 2013 года Федерального закона № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». С этого момента изменились реалии журналистской деятельности, ведь подобные иски составляют львиную долю претензий к журналистам и редакциям СМИ. Трудно сказать, как будет развиваться судебная практика, но очевидно, что она будет значительно изменена. Пока же поговорим о новшествах законодательства в этой сфере и правоприменительной практике, сложившейся ранее.

Ст. 152 ГК РФ, регулирующая защиту чести, достоинства и деловой репутации, теперь выглядит совершенно иначе, предусматривая иные последствия ее нарушения для журналистов и редакций СМИ и новые меры восстановления нарушенных прав. Изменения значительны, ведь если раньше в статье было 7 пунктов, то сейчас - 11. Многие положения ст. 152 ГК РФ вызывают критику, и она обоснованна, но некоторые можно оценить положительно.

Приведем вначале сравнительную таблицу предыдущей и новой редакции статьи 152 ГК РФ:

ПРЕДЫДУЩАЯ РЕДАКЦИЯ	НОВАЯ РЕДАКЦИЯ	Отличия
1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти.	1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом. По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти.	Внесены дополнения, касающиеся способа опровержения.
2. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. ...	2. Сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина и распространенные в средствах массовой информации, должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. Гражданин, в отношении которого в средствах массовой информации распространены указанные сведения, имеет право потребовать наряду с опровержением также опубликования своего ответа в тех же средствах массовой информации.	
2. ...Порядок опровержения в	6. Порядок опровержения сведений, порочащих честь, достоинство или	Данная норма перенесена в

иных случаях устанавливается судом.	деловую репутацию гражданина, в иных случаях, кроме указанных в пунктах 2 - 5 настоящей статьи, устанавливается судом.	отдельный пункт статьи 152 ГК РФ, изменений по существу не внесено.
2. ...Если указанные сведения содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву	3. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву.	Изменений по содержанию не внесено, положения данной нормы лишь вынесены в отдельный пункт статьи 152 ГК РФ.
3. Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации.	2 ... Гражданин, в отношении которого в средствах массовой информации распространены указанные сведения, имеет право потребовать наряду с опровержением также опубликования своего ответа в тех же средствах массовой информации.	Изменены основания для права на ответ
---	4. В случаях, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения	Содержание данного пункта статьи 152 ГК РФ новое, в старой редакции отсутствовало.

	дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно.	
---	5. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети "Интернет", гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети "Интернет".	Содержание данного пункта статьи 152 ГК РФ новое, в старой редакции отсутствовало.
4. Если решение суда не выполнено, суд вправе наложить на нарушителя штраф, взыскиваемый в размере и в порядке, предусмотренных процессуальным законодательством, в доход Российской Федерации. Уплата штрафа не освобождает нарушителя от обязанности выполнить предусмотренное решением суда действие.	7. Применение к нарушителю мер ответственности за неисполнение судебного решения не освобождает его от обязанности совершить предусмотренное решением суда действие.	По содержанию пункт 7 не внес ничего нового по сравнению с пунктом 4 предыдущей редакции статьи 152 ГК РФ, однако, изложена в более общих словах и более лаконично.

5. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.	9. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, наряду с опровержением таких сведений или опубликованием своего ответа вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений.	Добавлено, что гражданин может требовать опубликование ответа.
6. Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, лицо, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.	8. Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, гражданин, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.	Новых изменений не внесено.
---	10. Правила пунктов 1 - 9 настоящей статьи, за исключением положений о компенсации морального вреда, могут быть применены судом также к случаям распространения любых не	Содержание данного пункта статьи 152 ГК РФ новое, в

	соответствующих действительности сведений о гражданине, если такой гражданин докажет несоответствие указанных сведений действительности. Срок исковой давности по требованиям, предъявляемым в связи с распространением указанных сведений в средствах массовой информации, составляет один год со дня опубликования таких сведений в соответствующих средствах массовой информации.	старой редакции отсутствовало.
7. Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.	11. Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.	Включено прямое указание, что компенсация морального вреда юридическим лицам невозможна.

Формула судебной защиты от классического диффамационного деликта, изложенная в п. 1 ст. 152 ГК РФ новой редакции, практически не изменилась.

«Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности».

Таким образом, остались все четыре юридически значимых признака, необходимые для удовлетворения иска:

1. порочащий характер сведений;
2. не соответствие их действительности;
3. относимость сведений к истцу;
4. фактологический характер сведений.

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ УМЕРШЕГО

Новая редакция статьи 152 ГК РФ регламентирует защиту от диффамации умершего гражданина. Если в прежней редакции указывалось на то, что по требованию заинтересованных лиц допускается защита только чести и достоинства гражданина после его смерти (п. 1 ст. 152 ГК РФ), то теперь к чести и достоинству умершего добавлена возможность защиты его деловой репутации. Однако без ответа остался вопрос о возможности компенсации морального вреда по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации умерших. Представляется, однако, что нормативное закрепление такой возможности противоречило бы самой правой природе института компенсации морального вреда, и вот почему:

1. Ущерб от ущемления чьей-либо репутации является прямым и личным по своей природе. Интерес родственников по защите репутации скончавшегося человека принципиально отличается от интересов самого лица по восстановлению своего нарушенного нематериального права.
2. Моральный вред - это не просто нравственные и физические страдания, он должен быть следствием неправомерных действий, нарушающих неимущественные блага лица, которое лично требует их возмещения. В случае с заинтересованными лицами получается, что нравственные страдания испытывали они, а субъектом права на честь и достоинство, которые было нарушены, является умерший.
3. Сам умерший на момент публикации не мог испытывать нравственных и физических страданий, следовательно, исходя из правовой природы компенсации морального вреда, по отношению к умершему человеку такая компенсация невозможна.
4. Цель возмещения морального вреда - не наказание журналиста и редакции СМИ за распространение несоответствующих действительности и порочащих сведений, а полное или частичное восстановление нравственного благополучия лица, честь и достоинство которого ущемлены. В случае с умершим лицом это невозможно.
5. Вероятно, единственной мерой восстановления нарушенного права в случае с иском о защите чести и достоинства умершего, заявленного его наследниками и родственниками, может быть исключительно опровержение (либо публикация сообщения о вынесенном решении суда и/или его текста).

Таким образом, представляется очевидным, что при формулировании новой редакции ст. 152 ГК РФ законодатель исходил из необходимости расширить основания защиты нематериальных благ умершего, но не задумался, что при этом также необходимо обеспечить баланс между защитой репутации умершего и свободой выражения мнения, и при этом сохранить личный характер нематериальных благ, подлежащих правовой защите.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ, КАК МЕРА ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННОГО ПРАВА НА ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО И ДЕЛОВУЮ РЕПУТАЦИЮ: НОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Опровержение является самой распространенной мерой ответственности, возлагаемой на ответчиков по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Это обосновано многими факторами: эффективностью данной меры для восстановления чести, достоинства и деловой репутации, исковыми требованиями, применимостью ко всем субъектам и всем случаям удовлетворения исков о защите чести, достоинства и деловой репутации и др. Однако, исходя из сложившейся судебной практики, далеко не во всех решениях судьи определяют порядок публикации опровержения. В ряде случаев суды ссылались на ст. 44 Закона РФ «О СМИ», устанавливающую порядок опровержения. Теперь же законодатель прямо предусмотрел обязанность суда по установлению порядка опровержения в случаях, не указанных в пунктах 2-5 статьи 152 ГК РФ. Кроме того, теперь опровержение возможно и в том случае, если распространена не соответствующая действительности информация, которая не является порочащей. Это новшество законодательства, но о нем чуть позже.

ПРАВО НА ОТВЕТ. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИСТЦОВ

Право на ответ представляет собой нефинансовое средство защиты чести и достоинства (в судебном или внесудебном порядке), представляющее собой возможность опубликовать в том же СМИ ответ (комментарий, реплику) относительно распространенных сведений.

Данный механизм восстановления нарушенного права на репутацию является достаточно эффективным, но до последнего времени не получил широкого распространения в правоприменительной практике по делам о диффамации и чаще применялся при досудебном порядке урегулирования спора.

Из всего массива решений по делам о диффамации право на ответ применялось не более чем в 2-3 % случаев. На наш взгляд, причина этого совсем не в том, что суды не удовлетворяют иски, в которых истцы просят обязать ответчиков опубликовать ответ на спорные публикации. Просто лицо, считающее, что ущемлены его честь и достоинство, очень редко обращается в редакцию СМИ с требованием о предоставлении ему права на ответ. Происходит это в силу разных причин: правовая безграмотность, недоверие и др. И даже если гражданин или организация обращаются в редакцию СМИ с таким требованием, то чаще всего им отказывают, поскольку редакция считает свои действия по распространению спорных сведений правомерными. И еще реже такой отказ обжалуется в суд. Лицо, чьи права ущемлены, скорее обратится с требованием об опровержении, не подозревая, что опубликование ответа по суду зачастую намного эффективнее и

действенное восстановит нарушенные права, чем публикация нескольких строчек опровержения.

В п. 3 ст. 152 ГК РФ ранее указывалось, что

«Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации».

До внесения изменений в ст. 152 ГК РФ судебная практика по праву на ответ была неоднозначной: в одних решениях право на ответ применялось в тех случаях, когда отсутствовал полный состав деликта по п. 1 ст. 152 ГК РФ; в других - их меньшинство - суды исходили из того, что сведения, ущемляющие права или охраняемые законом интересы, это, прежде всего, не соответствующие действительности и порочащие гражданина сведения¹. По сути, в данном случае суд толковал п. 3 ст. 152 по аналогии с п. 1, который предусматривает опровержение.

Иными словами, закон допускал большие возможности для применения права на ответ за счет широкой формулировки: «ущемление прав и охраняемых законом интересов».

Теперь подход совсем иной. Во-первых, ст. 152 ГК РФ дает возможность прибегнуть к праву на ответ лишь в случае распространения порочащих и не соответствующих действительности сведений. То есть законодатель четко предусмотрел основания для предоставления права на ответ - они теперь аналогичны и для ответа, и для опровержения. Во-вторых, теперь прямо предусмотрена возможность заявлять одновременно требование и об опровержении, и о праве на ответ.

Надо отметить, что суды в мотивировочной части решения стали чаще указывать на потенциальную возможность удовлетворения требований истцов об опубликовании ответа, в случае если бы такое требование было заявлено, отказывая при этом в удовлетворении требований об опровержении. Связано это, прежде всего, с разъяснениями, которые дал Верховный Суд РФ в Постановлении № 3 от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», указав следующее:

¹ См.: решение Советского районного суд г. Воронежа от 29 октября 2004 года по иску о защите деловой репутации ФГУ «Тамбовский центр стандартизации, метрологии и сертификации» к ФГУ «Редакция «Российской газеты» и Шепилову А.Д. // <http://www.media-pravo.info/case/search/hid/754>

«Лицо, которое полагает, что высказанное оценочное суждение или мнение, распространенное в средствах массовой информации, затрагивает его права и законные интересы, может использовать предоставленное ему пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» право на ответ, комментарий, реплику в том же средстве массовой информации в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений, предложив их иную оценку».

Последнее нововведение, касающееся возможности требовать в рамках иска по ст. 152 ГК РФ публикации и опровержения, и ответа, вызывает вопросы, поскольку оба этих требования преследуют одну цель - восстановить нарушенное право, защитив право на честь, достоинство и деловую репутацию. Но в случае применения судом двух мер сразу на редакцию будет наложено одновременно две обязанности, что, на наш взгляд, является чрезмерным. Ведь нельзя забывать о статье 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая гласит, что ограничения свободы выражения мнения могут быть предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе только в определенных случаях, таких, как, например, интересы национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка.

Таким образом, теперь при обращении с иском в суд, в котором содержится требование о публикации ответа, суду необходимо установить следующие юридически значимые обстоятельства:

1. порочащий характер сведений;
2. не соответствие их действительности;
3. относимость сведений к истцу;
4. фактологический характер сведений.

Бремя доказывания также распределяется классическим образом: истец доказывает факт того, что оспариваемые сведения были распространены, являются порочащими и относятся к нему, а ответчик – факт соответствия распространенных сведений действительности.

НОВЫЙ ДЕЛИКТ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ

В статью 152 ГК РФ введен совершенно новый по содержанию пункт 10, который закрепляет, что, за исключением положений о компенсации морального вреда, положения данной статьи могут быть применены судом также к случаям распространения любых не соответствующих действительности сведений о гражданине, если такой гражданин докажет несоответствие указанных сведений действительности.

Таким образом, у граждан и юридических лиц (поскольку правила ст. 152 о защите деловой репутации гражданина, кроме положений о компенсации морального вреда, согласно п. 11 ст. 152 ГК РФ, соответственно применяются при защите репутации юридических лиц) появилась возможность требовать опровержения любых сведений, расходящихся с действительностью, а не только сведений, которые являются порочащими. То есть введена ответственность за так называемую «добрую» или «нейтральную» ложь. При введении данной нормы законодатель, видимо, руководствовался тем, что даже не являющиеся порочащими, но не соответствующие действительности сведения могут наносить вред чести, достоинству и деловой репутации. Так, например, если сообщается о том, что человек лечился в психиатрической клинике, а он туда не обращался, можно предположить, что это нанесет урон репутации человека. Однако далеко не все недостоверные сведения могут ущемлять честь и достоинство гражданина или репутацию юридического лица. Многие недостоверные сведения могут представлять собой исключительно фактическую ошибку, допущенную при подготовке публикации и не влекущую негативных последствий для чьей-либо репутации.

Общепризнанно, что нельзя требовать от журналиста абсолютной точности распространяемой информации. Вместо того, чтобы последовав практике Европейского Суда по правам человека, предоставить журналистам право на «честную ошибку» (когда журналист освобождается от ответственности за распространение недостоверных сведений, если при подготовке статьи он действовал добросовестно, в соответствии с нормами журналистской этики, стараясь проверять сведения, а в некоторых случаях даже не проверяя их), законодатель ужесточил законодательство о диффамации, установив новый деликт. По замыслу законодателя, отсутствие возможности компенсации морального вреда, возложение обязанности доказывания несоответствия действительности распространенных сведений на истца, установление специального срока исковой давности в 1 год должно гарантировать свободу выражения мнения журналистов. Однако это не так, поскольку у истца всегда остается право обратиться к суду с заявлением о возмещении судебных расходов. Следует отметить, что суммы, взыскиваемые судом в счет возмещения судебных расходов и расходов на оплату услуг представителя, зачастую превышают размер компенсации морального вреда.

ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ ЗАПРЕТИЛИ, НО ВОПРОСЫ ОСТАЛИСЬ

Одно из самых важных и положительных изменений статьи 152 ГК РФ касается прямого запрета компенсации морального вреда юридическим лицам. В п. 11 ст. 152 ГК РФ в новой редакции теперь прямо закреплено, что правила данной статьи применяются и к защите деловой репутации юридических лиц, за исключением компенсации морального вреда.

«Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица».

Судебная практика по возмещению морального вреда юридическим лицам ранее складывалась в двух основных направлениях. С одной стороны, суды общей юрисдикции считали, что юридическим лицам может быть причинен моральный вред, и иногда удовлетворяли подобные требования. Так, в решении Ливенского районного суда по иску о защите деловой репутации Администрации г. Ливны к редакции газеты «Уездный город» суд не ставил под сомнение возможность компенсации морального вреда, сразу переходя к вопросу о его размере. Клепиковский районный суд Рязанской области, рассматривая дело по искам главы района и Администрации района к областной газете, признал возможным удовлетворить требование Администрации о компенсации ей морального вреда в размере 100 000 рублей.¹

Арбитражные суды, напротив, стояли на позиции невозможности юридического лица испытывать нравственные и физические страдания:

«Поскольку юридическое лицо не может испытывать физических или нравственных страданий, ему невозможно причинить моральный вред. Поэтому, исходя из смысла статей 151 и 152 ГК РФ, право на компенсацию морального вреда предоставлено только физическому лицу».

*(из Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ
от 5 августа 1997 года № 1509/97;
из Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ
от 1 декабря 1998 года № 813/98;
из Решения Арбитражного суда Курской области
от 12 марта 2004 года)*

¹ См.: <http://www.media-pravo.info/case/view/id/715>

Российское законодательство не содержало однозначной и ясной нормы, позволяющей возмещать юридическим лицам моральный вред. Более того, ст. 151 ГК РФ недвусмысленно определяет понятие морального вреда как причинение физических и нравственных страданий. В силу своих особенностей (наличия тела и психики) подобные страдания могут быть присущи только человеку. В предыдущей редакции ст. 152 ГК РФ указывалось, что

«...правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица».

Приверженцы позиции о невозможности компенсации морального вреда юридическому лицу исходили из следующего толкования термина «соответственно», используемого ранее в п. 7 ст. 152 ГК РФ: в данном контексте он означает применимость только тех положений ст. 152 ГК РФ, которые соответствуют правовой природе юридического лица.¹

В определенный момент практика арбитражных судов стала развиваться в весьма неожиданном направлении. Арбитражные суды, ссылаясь не совсем корректно на прецеденты Европейского Суда и определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 года № 508-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана В.А. на нарушение его конституционных прав п. 7 ст. 152 ГК РФ», начали взыскивать в пользу юридических лиц «нематериальный» или «репутационный» вред.

Первым делом, по которому был взыскан «репутационный» вред юридическому лицу, было дело по иску ОАО «Альфа-Банк» к ЗАО «Коммерсантъ. Издательский дом» о защите деловой репутации, возмещении убытков и нематериального вреда, рассмотренное Арбитражным судом г. Москвы. Основанием для иска послужила статья «Банковский кризис вышел на улицу», появившаяся в газете в июле 2004 года. По мнению истца, данная публикация с описанием очередей вкладчиков у отделений «Альфа-Банка» привела к значительному оттоку вкладов - 5 млрд. рублей только за один день. Суд пришел к выводу, что деловой репутации ОАО «Альфа-Банк» распространением сведений был причинен вред, который суд оценил в 30 миллионов рублей. Вот как суд мотивировал размер взыскиваемого в пользу истца нематериального (репутационного) вреда:

¹ Ратинов А. Р. Послесловие юриста. Честь, достоинство и репутация: Журналистика и юриспруденция в конфликте. (результаты исследования и материалы конференции). – М.: «Права человека». – 1998. – С.42

«Оценив доводы сторон, а также представленные ими доказательства, суд приходит к выводу о том, что распространенная ответчиком недостоверная и порочащая истца информация, причинила вред репутации истца. Этот вред выразился в утрате доверия к банку со стороны его клиентов, что повлекло значительный отток денежных средств из банка с 7 июля 2004 года. В обоснование размера нематериального вреда, истец ссылается на то, сумма уменьшения объема депозитной базы и является мерой умаления его деловой репутации. Однако, исходя из требований разумности, истец не может требовать от ответчика возмещения нематериального вреда в размере, равном сумме оттока вкладов физических лиц.

Ответчик не представил возражений против суммы возмещения нематериального вреда, причиненного умалением деловой репутации истца.

При оценке размера нематериального вреда суд принимает во внимание зависимость репутации банков от ее общественной оценки, создаваемой, в том числе, средствами массовой информации. Негативная информация о банке непосредственно влияет на его финансовую устойчивость.

На основании изложенного, суд считает возможным удовлетворить требование истца о компенсации нематериального вреда в заявленной им сумме».

Впоследствии практика взыскания нематериального «репутационного» вреда при распространении диффамационных сведений в отношении юридических лиц стала устоявшейся, несмотря на очевидное отсутствие правового регулирования и законодательной возможности компенсации такого вида. На сегодняшний день арбитражные суды, если истец этого просит, наряду с опровержением обязывают ответчика компенсировать истцу - юридическому лицу нематериальный вред, называя его «репутационным».

Новая редакция ст. 152 ГК РФ напрямую исключила возможность компенсации морального вреда юридическим лицам, оставив при этом без ответа гораздо более важный вопрос – возможность взыскания нематериального «репутационного» вреда. Странно, что законодатель устранился от регламентации данной проблемы, поскольку применение меры ответственности, не предусмотренной законодательством, представляется абсолютно недопустимым.

УДАЛЕНИЕ СВЕДЕНИЙ, ИЗЪЯТИЕ И УНИЧТОЖЕНИЕ ТИРАЖА

Самой настоящей законодательной новеллой, вызвавшей шквал критики, стали пункты 4 и 5 ст. 152 ГК РФ. В пункте 4 закреплено, что

«...гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно».

Данные санкции могут быть применены при одном условии, которое прописано в пункте 4 ст. 152 ГК РФ:

«В случаях, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения...».

Данная норма при всей расплывчатости формулировок предусматривает очень жесткую санкцию. Словосочетание «стали широко известны» является весьма неопределенным и не должно использоваться в законодательстве. Ст. 152 ГК РФ не дает критериев «широкой известности», соответственно, появляется возможность различного толкования. Это нарушает принцип «правовой определенности», выработанный Европейским Судом по правам человека, который во многих своих решениях повторяет, что законы, устанавливающие ограничения свободы выражения мнения, должны быть четкими и ясными, чтобы разумный человек имел возможность предсказать последствия своего поведения и применения к нему закона.

Не до конца понятно, что имеется в виду под изготовленными в целях введения в гражданский оборот экземплярами материальных носителей. Видимо, речь идет об уничтожении нереализованной части тиража периодических печатных изданий.

Что же касается сетевых изданий (Интернет-ресурсов, зарегистрированных в качестве СМИ), то новое законодательство предусмотрело для них специальное регулирование. Теперь при рассмотрении исков о защите чести, достоинства и деловой репутации существует возможность заявить требования об удалении не достоверных сведений, распространенных в сети «Интернет», и порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина или юридического лица.

Эта возможность предусмотрена п. 5 ст. 152 ГК РФ, который гласит:

«Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети "Интернет", гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети "Интернет"».

Надо признать, что для защиты чести, достоинства и деловой репутации данный способ восстановления нарушенного права является весьма эффективным. Законодатель видимо исходил из того, что опубликование опровержения в ряде случаев не полностью служит цели защиты данных нематериальных благ, ведь в архивах сайтов в Интернете может сохраняться порочащая информация, которая будет доступна по запросу через поисковые системы. Однако законодатель в данном случае (как и во многих других) не пытался установить баланс между защитой чести, достоинства и деловой репутации и свободой выражения мнения, как этого требует Европейский Суд по правам человека.

Кроме того, такая мера как удаление сведений с сайтов может оказаться достаточно проблематичной в процессе реализации. Если удаление будет осуществляться не добровольно редакцией сетевого СМИ (когда они могут внести изменения в статью, закрыв доступ выборочно только к тем сведениям, которые были признаны судом порочащими), а принудительно судебными приставами через компанию-провайдера, то блокировка может привести к ограничению доступа не только точечно к порочащим сведениям (как это должно было бы быть), а ко всей публикации или даже всего Интернет-ресурса, что будет, безусловно, необоснованным ограничением доступа к информации.

ПОЗИЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ОБ УДАЛЕНИИ СВЕДЕНИЙ С ИНТЕРНЕТ-САЙТА

Буквально в унисон с российскими законодателями Европейский Суд по правам человека рассматривал дело, которое касалось удаления с сайта диффамационной журналистской статьи. 16 июля 2013 года Европейский Суд вынес постановление по делу *Вегржиновски и Смольцевски против Польши*. Дело касалось жалобы двух адвокатов на то, что газетная статья, которая была признана польскими судами клеветнической и причинившей вред репутации заявителей, осталась общедоступной на сайте газеты и после вынесения судебных решений. Адвокаты обратились в польские суды с требованием удалить порочащие сведения с сайта газеты в Интернете, однако, в удовлетворении их требований было отказано.

Европейский Суд признал жалобу одного из заявителей неприемлемой, так как он не смог подать свою жалобу в течение установленного срока - шести месяцев после последнего решения, вынесенного польскими судами. Что касается другого заявителя, то Суд счел, что польские суды установили справедливый баланс между правом общественности на доступ к информации, с одной стороны, и правом заявителя на защиту своей репутации, с другой. Европейский Суд постановил, в частности, что полное удаление спорной статьи из архива газеты было бы непропорциональным вмешательством, к тому же, заявитель не просил разместить ссылку на постановление суда в его пользу рядом со статьей в Интернете.

В предшествующей судебной практике Суд указывал на то, что Интернет является информационным и коммуникационным инструментом, который сильно отличается от печатных СМИ, особенно в том, что касается способности хранить и передавать информацию. Обслуживая миллиарды пользователей по всему миру, Интернет не подвергался и, возможно, никогда не будет подвергаться такому же регулированию и контролю, как печатные СМИ. Риск причинения вреда осуществлению и реализации прав, гарантированных Конвенцией, в частности права на уважение частной жизни, исходящим со стороны Интернет контентом, конечно, выше, чем риск, исходящий от печатных СМИ. Следовательно, и политика регулирования воспроизведения материалов из печатных СМИ и Интернета может отличаться. Последняя, бесспорно, должна быть скорректирована в соответствии с особенностями технологии в целях обеспечения защиты и соблюдения затронутых прав и свобод.

Однако Европейский Суд подчеркнул, что следует также учитывать, что законный интерес общественности в доступе к Интернет-архивам прессы подпадал под защиту ст. 10 Конвенции (свобода выражения мнения). Важно то, что польские суды отмечали, что было бы желательно добавить комментарий к статье на сайте газеты, информирующий общественность об итоге первоначального гражданского производства по делу, в котором права заявителей были восстановлены. Поэтому Суд был удовлетворен тем, что польские суды были осведомлены о том, насколько важны были публикации в Интернете для эффективной защиты личных прав, и насколько важно было сделать общедоступной полную информацию о судебных решениях, касающихся спорной статьи. Тем не менее, в гражданском производстве, возбужденном в 2004 году, г-н Смольцевски не просил исправить информацию, путем размещения в спорной статье электронной ссылки на судебные постановления в его пользу.

Таким образом, в свете того, что информация о судебном решении в виде опровержения являлась общедоступной, Европейский Суд счел данную меру достаточной для восстановления репутации заявителя. Принимая во внимание все эти обстоятельства, Суд признал, что Польша выполнила свое обязательство по соблюдению баланса между правами, гарантированными со ст. 10 (свобода выражения мнения) и ст. 8 (право на уважение частной жизни) Конвенции.

Наложение ограничения на свободу выражения мнения с целью защитить репутацию г-на Смольцевски было бы непропорционально в соответствии со ст. 10 Европейской Конвенции.

КАК ИЗБЕЖАТЬ ПРАВОВЫХ РИСКОВ

Для минимизации риска быть привлеченным к ответственности за умаление чьей-то репутации (как в гражданско-правовом порядке по иску о защите чести и достоинства, так и в рамках уголовного процесса за клевету), следует помнить несколько важных моментов и следовать этим рекомендациям:

1) Распространяемые сведения должны быть достоверными. Следует тщательно проверять факты, хранить доказательства и контактную информацию источников и свидетелей и быть готовым доказывать соответствие распространенных сведений действительности в суде. Причем хранить доказательства нужно долго, поскольку, ввиду отсутствия в российском законодательстве срока исковой давности по искам о защите чести и достоинства, обиженный публикацией в СМИ человек может обратиться в суд и через 10 лет, что случалось не раз. Верховный суд РФ определяет не соответствующие действительности сведения как утверждение о фактах и событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения.

2) Не могут опровергаться сведения только лишь на том основании, что они для героя публикации звучат обидно (оскорбительно). Юридическое и обывательское понятие «порочащих сведений» сильно отличаются. Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ *«порочащими ... являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица»* (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», № 3 от 24 февраля 2005 года). Поэтому порочащими могут быть признаны судом далеко не все обидные сведения, даже критического характера, а только те, которые подпадают под указанное выше определение.

3) Не могут опровергаться сведения общего характера, не сообщающие о действиях или поведении конкретного человека, либо о деятельности организации. Тот, кто требует опровергнуть сведения как порочащие его

честь и достоинство, должен быть четко идентифицируемым в тексте, узнаваем прямо или по совокупности признаков, и именно о его неблагоприятных действиях должна идти речь. Например, мэр города не может требовать опровержения сведений о том, что «город не привлекателен для туристов, дороги разбиты, местные чиновники ленивы и не заинтересованы в его развитии», потому что о нем лично в предложении ничего не говорится, сведения носят обобщенный характер.

4) Помимо этого, высказывания, носящие оценочный характер (критическое мнение, отрицательная оценка, если они не носят оскорбительного характера, когда они могут рассматриваться как оскорбление в смысле ст. 5.61. КоАП РФ) не являются наказуемыми и не могут опровергаться в судебном порядке. Каждый имеет право на собственное мнение, которое гарантировано п. 1 ст. 29 Конституции РФ. Никто не может быть принужден к изменению своего мнения (п. 3 ст. 29 Конституции РФ). Мнение нельзя проверить на достоверность, оно всегда субъективно. Именно поэтому мнение, комментарий, оценочное суждение не могут опровергаться по искам о защите чести и достоинства, оно не может служить основанием для привлечения к уголовной ответственности за клевету.

5) Требования о защите чести, достоинства и деловой репутации могут быть признаны законными и обоснованными в суде только в случае, если в оспариваемых сведениях одновременно присутствуют все указанные выше признаки: сведения, распространенные в СМИ в отношении конкретного гражданина или организации, не соответствуют действительности, носят порочащий характер и выражены в форме утверждения о факте, а не оценочного суждения.

Клевета

Глава 2

ГЛАВА 2

КЛЕВЕТА

В декабре 2011 года в России парламентарии сделали долгожданный шаг и декриминализировали диффамацию, то есть отменили уголовную ответственность за оскорбление и клевету, заменив ее более мягкой, административной (о чем также подробно рассказывается в главе «Оскорбление»). Тогда в КоАП РФ были внесены соответствующие поправки и была установлена административная ответственность за клевету и оскорбление, что, в целом, соответствовало международным стандартам и было сформулировано более-менее цивилизованно. Однако буквально спустя полгода новый состав Государственной Думы РФ сделал, по сути, шаг назад и вернул «клевету» в Уголовный кодекс РФ (ст. 128.1 УК РФ), вместе с этим вернулся и состав «клеветы в отношении судей, прокуроров, следователей, судебных приставов» (ст. 298 УК РФ). Это было не только непоследовательно, но и весьма спорно в связи с тем, что обновленная статья «Клевета» стала предусматривать более жесткие финансовые санкции. Сторонники возврата уголовной ответственности за клевету утверждают, что статья стала мягче на том лишь основании, что из нее исключили санкцию в виде лишения свободы (что, безусловно, хорошо, хотя этот вид наказания в последние годы и так практически никогда не применялся). Но с другой стороны, штрафы возросли со 180 тысяч рублей до астрономических 5 миллионов рублей.

Резолюция ПАСЕ № 1577 принята Ассамблеей стран-участниц 4 октября 2007 года (34-е заседание).

«На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию»

<...>8. Ассамблея сожалеет, что в ряде государств-членов преследование за диффамацию сопровождается злоупотреблениями, которые можно рассматривать как попытки властей подавить критику со стороны СМИ. Такие злоупотребления – приводящие к настоящей самоцензуре в СМИ и постепенному свертыванию демократической дискуссии и общего информационного обмена – уже вызвали осуждение со стороны гражданского общества, в частности, в Албании, в Азербайджане, а также в Российской Федерации.

9. Ассамблея разделяет четкую позицию, занимаемую Генеральным секретарем Совета Европы, осудившего угрозы преследования за клевету как «особенно изощренную форму запугивания». Ассамблея считает недопустимым такое ошибочное применение законодательства о диффамации».

ЧТО ТАКОЕ КЛЕВЕТА?

Клевета (ст. 128.1 УК РФ) и ущемление чести и достоинства (ст. 152 ГК РФ) имеют фактически одинаковое содержание – это распространение недостоверных (ложных), порочащих сведений о человеке (организации). Единственная разница состоит в том, что уголовная ответственность наступает только тогда, когда распространение таких сведений было умышленным (поэтому и в статье УК РФ распространенные сведения фигурируют как «заведомо ложные сведения», а не просто недостоверные, как в ст. 152 ГК РФ).

Посмотрим, как регулирует уголовную ответственность за клевету Уголовный кодекс РФ (в редакции Федерального закона от 28.07.2012 N 141-ФЗ):

Статья 128.1. Клевета

*1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию,
- наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо обязательными работами на срок до ста шестидесяти часов.*

*2. Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации,
- наказывается штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов.*

*3. Клевета, совершенная с использованием своего служебного положения,
- наказывается штрафом в размере до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо обязательными работами на срок до трехсот двадцати часов.*

*4. Клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера,
- наказывается штрафом в размере до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо обязательными работами на срок до четырехсот часов.*

*5. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления,
- наказывается штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов.*

Применительно к новому видению «клеветы» следует отметить не только крайне высокий верхний порог штрафов (до 5 миллионов рублей), но и весьма опасные нововведения. Ранее действовавшая ст. 129 УК РФ (клевета) была сформулирована иначе и состояла из трех частей, в то время как новая ст. 128.1 УК РФ ввела иные основания для привлечения к уголовной ответственности, в том числе достаточно спорные, нечетко сформулированные и, тем самым, открывающие просторы для злоупотребления и необоснованного ограничения свободы слова.

В частности, весьма спорной представляется ч. 4 ст. 128.1 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за «клевету о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих ...», с наказанием в виде штрафа в размере до 3 миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо обязательными работами на срок до четырехсот часов.

Что имеется в виду под «общественно опасным заболеванием» законодатель не поясняет, и формально к этому может быть отнесено все, что угодно вплоть до гриппа. Все зависит от субъективной оценки, воображения и уровня обиды участников процесса. Что имели в виду законодатели, когда вводили такой квалифицирующий признак в Уголовный кодекс РФ, доподлинно неизвестно, и это активно обсуждалось в прессе. Жаль, что не в порядке подготовки законопроекта, что дало бы возможность скорректировать очевидные перекосы. Но законопроект продвигался стремительно и был подписан Президентом в рекордные сроки – через два месяца после инаугурации... Аналитики неоднократно указывали на ситуативность подхода Госдумы в принятии поправок в Уголовный кодекс и возврата в него клеветы, носящего явный характер эмоциональной реакции на критические публикации в прессе в период между парламентскими выборами (когда уголовная ответственность только что была отменена) и моментом возврата статьи в УК РФ буквально через полгода.

При этом, изучая нововведения, мы обнаружили документ, который может быть полезен при попытке понять, о каких таких опасных для окружающих заболеваниях говорят депутаты парламента. Существует некий список таких заболеваний, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 (но учитывая, что даны они в Постановлении с указанием специального кода (А-24, В-85 и т.д.), который мы для целей данного анализа не будем указывать, дабы не путать читающих, но, видимо, основной аудиторией данного нормативного акта являются все же медики). Тем не менее:

«ПЕРЕЧЕНЬ ЗАБОЛЕВАНИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ»

- болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ)
- вирусные лихорадки, передаваемые членистоногими, и вирусные геморрагические лихорадки
- гельминтозы
- гепатит В
- гепатит С
- дифтерия
- инфекции, передающиеся преимущественно половым путем
- лепра
- малярия
- педикулез, акариаз и другие инфекации
- сепсис и мелиоидоз
- сибирская язва
- туберкулез
- холера

В связи с этим списком, любопытно, во всех ли случаях использование по отношению к человеку слова «вшивый» (например, «какой-то у них вшивый бухгалтер») будет признано негативной оценкой или найдутся те, кто признает это обвинением в том, что человек болен «общественно-опасным заболеванием» (педикулезом, в данном случае)?...

В завершение краткого экскурса в тему «клеветы» хочется предостеречь журналистов от ложного представления, что больших проблем эта норма не приносит, ну максимум штраф, и привести несколько свежих примеров, и это уже «урожай» нового прочтения клеветы после ее возврата в УК РФ.

Во-первых, не так уж и приятно иметь судимость, даже если наказание было лишь в виде штрафа. Во-вторых, штрафы обещают быть немаленькими (с июля 2012 года – до 5 миллионов рублей). В-третьих, количество дел и их специфика показывают, что преследования за «клевету» становятся все более и более популярными среди сильных мира сего и это стало заметной тенденцией еще до отмены уголовной ответственности за клевету в конце 2011 года.

Только за 2009-2011 годы по ст. 129 УК РФ было осуждено около 800 человек. Большинство из них - региональные журналисты, блогеры, гражданские

активисты. При этом, основными инициаторами уголовного преследования становились чиновники и представители властей¹. Периодически имеют место судебные процессы, где наблюдается высокий уровень административного давления на суд, и когда судебное решение не отвечает требованиям международных стандартов, а иногда и национального права (например, иск о защите чести и достоинства и уголовное дело о клевете, инициированные главой Чечни Рамзаном Кадыровым, за одно и то же высказывание руководителя Правозащитного Центра «Мемориал» Олега Орлова, содержащее критику Кадырова и возлагавшее на него политическую ответственность за убийство известной правозащитницы и журналистки «Новой газеты» Натальи Эстемировой).

¹ «Клевета на миллион» // Газета "Коммерсантъ", №127 (4912), 13.07.2012, - <http://www.kommersant.ru/doc/1979442/print>

ПРИМЕРЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Практика первых случаев преследования за клевету после возвращения уголовной ответственности (2012-2013 годы) также вызывает массу беспокойств. Очевидно, что понятнее для судей данная норма закона не стала, и уровень уважения к праву на свободу выражения мнения не вырос, а, следовательно, позиция журналистов в суде остается очень зыбкой.

Дело о бизнесе в Храме Христа Спасителя (Михаил Аншаков)

Первый случай применения уголовной ответственности за клевету после ее возвращения в УК РФ в виде ст. 128.1 был зафиксирован в Москве в отношении руководителя Общества защиты прав потребителей Михаила Аншакова за его высказывания по поводу бизнеса, организованного в стенах храма Христа Спасителя.¹ Общественный деятель был признан виновным и приговорен к штрафу в размере 100 тысяч рублей. Все время до вынесения приговора суда Аншаков оставался под подпиской о невыезде. Вот что сообщает об этом случае редакция *Грани.ру*²:

«Дело против главы ОЗПП было возбуждено после публикации в сентябре 2012 года в «Новой газете» его интервью «Изделие освящено. Обмену и возврату не подлежит» Елене Масюк. Согласно обвинительному акту, утвержденному первым зампрокурора Москвы Александром Козловым, клеветой признаны заявления главы ОЗПП о том, что в храме Христа Спасителя фактически функционирует бизнес-центр, где расположены офисы 15 коммерческих фирм, автомойка, автосервис, шиномонтаж, автостоянка на 305 машиномест, прачечная, столовая и многочисленные павильоны, торгующие ювелирными изделиями, сувенирами и другим ширпотребом. <...> Аншаков себя виновным в клевете не признал, заявляя, что высказал лишь оценочное суждение, за которое нельзя привлекать к уголовной ответственности. В ходе слушаний потерпевший глава фонда Михаил Поддевалин заявил, что часть территории храмового комплекса действительно сдается в аренду, а также подтвердил работу коммерческих структур в помещениях храма. Глава фонда заметил, что учредителями одного из предприятий - автомойки «Мытный двор» - являются его дети. Вместе с тем Поддевалин назвал ложью содержащиеся в интервью утверждения, что он «сидел на денежных потоках» и что на пожертвования «фактически построен бизнес-центр».

Аншаков, в свою очередь, привел список компаний, арендующих помещения в храме. Всего в списке оказалось 45 фирм, хотя Поддевалин предоставил

¹ <http://www.kommersant.ru/doc/2191927>

² <http://grani.ru/Society/Law/m.214759.html>

информацию только о 15. Глава ОЗПП объяснил это тем, что остальные предприятия работают на территории храма неофициально. Также Аниаков рассказал, что в храме ведут коммерческую деятельность представители чеченской, армянской и арабской диаспор. <...> Это первое дело о клевете, открытое после возвращения статьи в УК РФ. 26 декабря 2012 года Аниаков был жестоко избит. Уголовное дело завели по статье 115 УК (умышленное причинение легкого вреда здоровью).

«В Нидерландах, где уголовная ответственность за диффамацию также сохраняется наряду с гражданской, уголовных процессов по делам о диффамации практически не случается. Наиболее свежим примером можно считать уголовное дело, закончившееся оправдательным приговором, предметом которого было опубликованное интервью, где голландские солдаты, воевавшие в Индонезии в 1945–1949 гг., сравнивались с эсэсовцами. Голландский суд счел, что данное заявление носит общий характер и не может оскорбить кого-либо конкретно. Кроме того, точно в соответствии с практикой Европейского суда, суд определил, что обязанность журналиста состоит в распространении мнений и идей, связанных с общественно-значимыми и политическими вопросами, какими бы шокирующими или возмутительными они не были»¹.

Дело о полковнике-лжеце (Михаил Афанасьев)

Вот еще один пример, более оптимистичный – дело редактора независимого Интернет-издания «Новый фокус» из Хакасии Михаила Афанасьева, который обвинялся сразу по двум статьям Уголовного Кодекса – ст. 128.1 (клевета) и ст. 319 (оскорбление представителя власти) в связи с публикацией критической статьи по поводу ложных свидетельских показаний, которые дал в суде заместитель министра МВД по Республике Хакасия полковник Злотников². Сторона обвинения расценивала указание на факт лжи со стороны полковника Злотникова как клевету и, учитывая, что он является высокопоставленным должностным лицом, полковником полиции, как оскорбление не просто человека, а представителя власти. Это существенно увеличивало тяжесть потенциального наказания, которое грозило журналисту. В процессе следствия журналист

¹ Пределы правового пространства свободы прессы (российские споры с участием СМИ в контексте мировой практики): [сб. ст.] / Юристы за конституц. права и свободы; [сост., отв. ред. и авт. вступ. ст. А. К. Соболева]. – М., РИО «Новая юстиция», 2008. – С.51.

² Причиной уголовного преследования стала публикация статьи «Вы лжец, полковник Злотников» (<http://khakasia.info/pravo/vy-lzhetc-polkovnik-zlotnikov>)

находился под подпиской о невыезде, на него оказывалось давление, у него было изъято все оборудование, на котором он мог бы работать, что фактически блокировало работу его Интернет-СМИ на несколько месяцев.

Общими усилиями местного адвоката, юристов Центра защиты прав СМИ и благодаря поддержке Союза журналистов России мы смогли добиться оправдательного приговора, который был вынесен в начале сентября 2013 года. И это был первый оправдательный приговор по клевете после ее реинкарнации. Чуть ранее, в апреле 2013 года после номинирования Центром защиты прав СМИ, Афанасьеву была присуждена ежегодная премия имени Анны Политковской за смелость в журналистике Шведского клуба публицистов (наиболее авторитетной профессиональной ассоциации журналистов Швеции).

13 ноября 2013 года в апелляционной инстанции приговор в части клеветы устоял, а дело в части оскорбления представителя власти вернули на новое рассмотрение. Так что нам еще предстоит испытать на прочность данный приговор.¹

Дело по клевете на Амана Тулеева (*Николай Экстер*)

Другим примером может стать начавшееся в сентябре 2013 года в мировом суде Центрального районного суда Кемерово рассмотрение уголовного дела директора в отношении ООО «Русская деревня» Николая Экстера, которого обвиняют в клевете, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 128.1 УК РФ).

По версии обвинения Николай Экстер распространял в интернете различные сведения о нарушениях губернатором Кемеровской области Аманом Тулеевым законодательства, а также утверждал, что губернатор «отнял ипотечную квартиру у молодой семьи», «систематически угрожал физическим устранением», а также «являлся заказчиком» убийства в 1999 году генерал-майора Сергея Шумляева, руководителя Кемеровского высшего военного училища связи.

Заседания на стадии судебного следствия сделаны закрытыми, поскольку «сведения, оглашаемые на заседаниях, могут затронуть честь и достоинство» потерпевшего Амана Тулеева.

Подсудимому грозит наказание в виде штрафа до 5 млн. руб. или обязательных работ на срок до 480 часов.

¹ С материалами дела – спорной публикацией, приговором суда, можно ознакомиться в базе данных судебной практики по делам с участием СМИ <http://www.media-pravo.info/case/980>

ПОЗИЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА И СОВЕТА ЕВРОПЫ ОТНОСИТЕЛЬНО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА ДИФФАМАЦИЮ¹

Из практики Европейского Суда по правам человека можно вывести принцип, очень важный для России: оценочное суждение не следует рассматривать как клевету, если оно основывается на фактах, пересказанных достаточно точно и добросовестно, и если цель его не состоит в том, чтобы внушить ложные представления, даже если такие представления могут возникнуть².

О значимости для России вышеназванной правовой позиции Европейского Суда свидетельствует решение Европейского суда по правам человека по жалобе курского журналиста Виктора Чемодурова (от 31.07.2007 года, дело в Европейском Суде вели юристы Центра защиты прав СМИ)³.

В 2000 году в газете «Курский вестник» была опубликована статья журналиста Виктора Чемодурова, в которой он на конкретных примерах, подтвержденных документально, раскрыл механизм увода крупными местными чиновниками бюджетных средств из областной казны. Автор привел цитату из письменной резолюции губернатора Курской области Александра Руцкого, который советовал чиновникам списать крупную недостачу на выполненные работы в нескольких областных учреждениях. Журналист написал следующее: *«Не знаю, как у кого, а у меня такое мнение-суждение: губернатор, дающий подобные советы, является ненормальным. Уточняю сразу на случай судебного иска: я говорю о поведении должностного лица, а не о личности Руцкого, до которой мне нет никакого дела»*.

После выхода статьи Руцкой в частном порядке, однако, на официальном бланке губернатора Курской области обратился в Ленинский районный суд г. Курска с исковым заявлением о защите чести, достоинства, деловой репутации и возмещении морального вреда. Несмотря на то, что журналисту в суде удалось доказать, что опровергаемые истцом сведения соответствуют действительности, иск Руцкого был частично удовлетворен, при этом оспариваемая фраза была признана оценкой, но выраженной в оскорбительной форме. В своем решении Европейский Суд с выводами курских судей, которые расценили слово «ненормальный», высказанное журналистом в адрес Руцкого, характеризующим в оскорбительной форме его личность, а не поведение Руцкого в конкретной ситуации как должностного лица, не согласился. Европейский Суд в своем

¹ Пределы правового пространства свободы прессы (российские споры с участием СМИ в контексте мировой практики): [сб. ст.] / Юристы за конституц. права и свободы; [сост., отв. ред. и авт. вступ. ст. А. К. Соболева]. – М., РИО «Новая юстиция», 2008. – 272 с.

² Нудненко Л.А. Решения Европейского суда по проблемам реализации свободы слова // Конституционное и муниципальное право, 2013, N 2

³ http://www.mmhc.ru/praktika_evropejskogo_suda/praktika_po_st10_evropejskoj_konvencii/europ_practice29/

решении подчеркнул, что критические оценочные суждения журналиста имеют серьезную фактологическую основу, которые были подтверждены в ходе рассмотрения дела в российских судах, указав отдельно на статус Руцкого как публичной фигуры и профессионального политика.

С точки зрения ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, право критиковать публичных фигур должно пользоваться определенными привилегиями – публичные политики, общественные деятели должны высказывать большую степень терпимости к критике в свой адрес и они не должны пользоваться специальной защитой закона, если только нападки в их адрес не являются крайне резкими и немотивированными. В случае, если в законодательстве устанавливается особая защита публичных фигур и представителей власти, такая защита не может быть признана правомерной в соответствии с Конвенцией. В деле *Lingens v. Austria*, ставшим одним из наиболее ярких precedентов, Европейский суд признал, что «уголовное обвинение в диффамации по отношению к публичной фигуре, выдвинутое против заявителя, ущемляет его свободу, лишая его права принимать участие в политической дискуссии».

В деле *Thorgeir Thorgeirson v. Iceland*, касавшемся обвинения журналиста в клевете на полицию в связи со статьей о жестокости полиции, Суд однозначно установил, что обсуждение проблем, представляющих «значительный общественный интерес» (например, коррупция или отправление правосудия), должно быть защищено в большей степени, нежели репутация государственного органа. В более обобщенной форме позиция Европейского суда в отношении свободы слова и возможностей ее ограничения была выражена в решении по делу *Barfod v. Denmark*, в котором, среди прочего, отмечалось, что при установлении справедливого баланса между целями ограничения указанными в п. 2 ст. 10 Конвенции и ценностью дискуссии, в которой была выражена оспариваемая позиция, Суд «не может упустить из виду, насколько важно не отпугнуть граждан угрозой применения уголовных или иных санкций от выражения своего мнения по проблемам, представляющим общественный интерес».

Кроме этого, Европейский суд по правам человека находит, что законы об уголовном преследовании за диффамацию не являются «необходимыми в демократическом обществе» (еще одно условие допустимого ограничения прав и свобод, установленное Конвенцией). Основным элементом необходимости является соразмерность ограничения преследуемой цели. Таким образом, всякое ограничение должно пройти своеобразный «тест» на соразмерность.

Законы, определяющие уголовное наказание за диффамацию, т.е. за «правонарушения словом», явно не соответствуют критерию соразмерности, поскольку чрезмерно жестки. Даже в случае назначения условного наказания, что довольно часто практикуется в странах, где предусмотрена уголовная ответственность за диффамацию, остается факт судимости, который может

негативно отразиться на будущем человека, пожелавшем выразить свое мнение. Европейский суд также подчеркивает, что в случае, когда имеются административные или гражданско-правовые средства, которые можно использовать для ограничения свободы слова, уголовное преследование нежелательно.

В решении по делу *Castells v. Spain* Суд постановил, что «доминирующее положение, которое занимает правительство, делает необходимым, чтобы оно демонстрировало сдержанность, когда встает вопрос об уголовном преследовании за критику, особенно когда имеются другие средства ответа на неоправданные нападки его противников или средств массовой информации».

Данный аналитический доклад не преследует своей целью всестороннее изучение практики Европейского суда по делам, затрагивающих свободу слова в контексте дел о диффамации. Практика довольно обширна, опубликовано много работ по этому поводу, переводы дел по ст. 10 Конвенции на русский язык доступны в различных источниках, в том числе обширная коллекция находится и на сайте Центра защиты прав СМИ в разделе «Практика Европейского Суда»¹.

Однако в контексте настоящего исследования следует обратить внимание на два момента: (1) международные стандарты и позиция Европейского суда относительно уголовной ответственности за диффамацию и (2) некоторое изменение практики ЕСПЧ по делам о диффамации в связи с признанием «права на репутацию» в рамках ст. 8 Европейской Конвенции.

Уголовная ответственность за диффамацию: международно-правовой аспект

Несмотря на то, что на сегодняшний день международное право не содержит каких-либо однозначных норм, запрещающих привлечение к уголовной ответственности за диффамацию, международные организации постоянно обращаются к данной теме и вырабатывают рекомендации, составляющие так называемое «мягкое право», которое формирует международные стандарты и призвано стимулировать государства к совершенствованию своего законодательства.

4 октября 2007 года Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла как раз такой документ «мягкого права» – резолюция с призывом к декриминализации диффамации (упоминавшаяся выше).

Анализируя судебную практику и законодательные установки различных стран, можно выделить несколько ключевых вопросов, которыми, во всяком случае, должен задаваться суд при рассмотрении дел о диффамации в публикации либо в публичном выступлении:

¹ http://www.mmdc.ru/praktika_evropejskogo_suda/praktika_po_st10_evropejskoj_konvencii/

- 1) серьезность оспариваемого утверждения; насколько серьезный вред будет нанесен лицу и насколько будет дезинформировано общество, если утверждение ложно;
- 2) природа информации и то, насколько она будет представлять собой предмет общественного интереса;
- 3) предпринятые действия для проверки информации;
- 4) статус информации (возможно, по ней уже проводится официальное расследование, – в этом случае к информации уже нельзя относиться как к голословному утверждению);
- 5) важность и экстренность сообщения: поскольку новости имеют свойство быстро устаревать, не всегда есть возможность тщательно проверить все данные;
- 6) истец может обладать информацией, которая недоступна для других, поэтому выводы, которые он делает из обжалуемого сообщения, не всегда очевидны для просто читателя;
- 7) тон публикации; преподносятся ли утверждения как мнения автора или как проверенные факты.

Европейский суд по правам человека не указывает однозначно на противоречие Конвенции самой возможности применения уголовно-правовых санкций в делах о диффамации и во многих странах членах Совета Европы такая форма ответственности до сих пор и существует, и применяется на практике. При этом, следуя мягкому праву и позиции международных и межправительственных организаций страны Совета Европы все же стремятся не применять на практике наиболее жесткие санкции, в частности связанные с лишением свободы по делам, когда преступление совершено «словом» (дела о клевете, оскорблении).

Однако, ЕСПЧ неоднократно заявлял, что применение санкции в виде лишения свободы, как правило, является чрезмерным и в большинстве случаев не признается «необходимым в демократическом обществе». Основанием для применения таких санкций может быть только исключительные обстоятельства, которые должны быть тщательно проверены, изучены национальными судами и применение такой санкции должно быть должным образом мотивировано.

В частности, в деле *Гаврилович против Молдовы*¹ Суд указал на то обстоятельство, что привлечение лица к уголовной ответственности за реализацию его права на свободу выражения мнения, может расцениваться как допустимое с точки зрения статьи 10 Конвенции “... только в исключительных обстоятельствах, а именно в случае грубого нарушения одного из иных основных прав человека...” (см., например, дело «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии» [постановление Большой Палаты], № 33348/96, § 115, ЕСПЧ 2004 XI).

¹ *Гаврилович против Молдовы*, постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2009 года по жалобе No. 25464/05, пп.60-61

«Право на свободу выражения мнения» против «права на репутацию»

В последнее десятилетие Европейский суд несколько изменил свой некогда довольно последовательный и четкий подход к защите свободы выражения мнения в контексте дел о диффамации и заявил о возможности защиты «права на репутацию» как самостоятельного элемента *privacy* (неприкосновенности частной жизни) в рамках ст. 8 Европейской Конвенции. Прямо данное право ст. 8 Конвенции не предусмотрено и ранее не защищалось. Одно за другим стали появляться дела, где Европейский суд вставал на сторону заявителей, в основном «публичных фигур» (чиновников, политических и общественных деятелей) бывших фигурантами журналистских публикаций или которые подвергались жесткой публичной критике, отдавая предпочтение защите их права на репутацию в противовес праву прессы и журналистов на свободу выражения мнения и распространение общественно-значимой информации и не смотря на ранее казавшийся нерушимым принцип «повышенной терпимости публичных фигур к критике в их адрес» (см. дела Кумпана против Румынии (*Cumpana v. Romania*), 2004, п.91; Шови против Франции (*Chauvy v. France*), 2004, п.70; Уайт против Швеции (*White v. Sweden*), 2007, п.21; Петрина против Румынии (*Petrina v. Romania*), 2008, п.19; А против Норвегии (*A. v. Norway*), 2009, п.63; Каракот против Венгрии (*Karakot v. Hungary*), 2009, пп.17-25; Поланко Торрес против Испании (*Polanco Torres v. Spain*), 2009, пп.40-41, 44-45).

Так в деле *Пфайфер против Австрии* Европейский Суд пришел к выводу¹:

... "что репутация человека, даже если этот человек подвергается критике в контексте общественной дискуссии, является частью его личной идентичности и психологической неприкосновенности, и поэтому также подпадает под действие защиты его "частной жизни". Соответственно в таких делах применима Статья 8 Конвенции".

Аналогичный подход Европейский суд применил ранее и в деле *Петрина против Румынии* (постановление от 14 октября 2008 года, п.19).

Далее, Европейский суд, рассматривая указанные дела, детализировал свой подход, согласно которому предпочтение защите права на репутацию в контексте ст.8 Конвенции в конфликте с правом на свободу выражения мнения, гарантированного ст. 10 Конвенции, будет отдаваться в ситуациях, когда нападки на заявителя (распространенные в его адрес сведения, критика) выражены в очень жесткой манере, когда речь идет о явном злоупотреблении свободой массовой информации.

¹ Пфайфер против Австрии (*Pfeifer v. Austria*), постановление Европейского Суда, 2009 год, п.48

Об этом говорится в деле А. против Норвегии, в котором Европейский суд привлек внимание к форме высказываний, затрагивающих «право на репутацию».

"Для того, чтобы статья 8 Конвенции была применима, нападки на личное достоинство и репутацию должны достичь определенного уровня тяжести и, таким образом, нанести существенный ущерб возможности реализовать свое право на уважение частной жизни."¹

Этот подход подвергается серьезной критике со стороны европейских медиаюристов, практикующих в ЕСПЧ, которые усмотрели в данном подходе серьезную угрозу свободе выражения мнения как фундаментальному праву, гарантированному Европейской Конвенцией. И не смотря на то, что позиция Европейского Суда уточняется, что, безусловно, связано с тем, что Суд вынужден учитывать новые условия распространения информации, в частности в Интернете, что может нанести существенно БОЛЬШОЙ вред репутации человека, тем не менее такой подход сильно поменял парадигму применения ст. 10 Конвенции и пределы свободы выражения мнения.

Фактически, можно констатировать, что принцип «повышенной терпимости публичных лиц» перестал быть столь абсолютным. К настоящему моменту практика в этой направлении укрепилась и концепция защиты «права на репутацию» несколько детализировалась, что требует специального осмысления и изменения подходов в стратегических делах о диффамации при защите на национальном уровне.

¹ А. против Норвегии, постановление Европейского Суда от 9 апреля 2009 года, пп.63-64

«РАСПРОСТРАНЕНИЕ» ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ

В действующем законодательстве содержится разъяснение относительно того, что следует понимать под «распространением сведений» в диффамационных спорах. Это сообщение не соответствующих действительности и порочащих сведений в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам.

Такое, казалось бы, простое определение правового термина на практике встречает массу разночтений. А когда толкование этого понятия дается правоприменителями в рамках возбужденного уголовного дела по клевете, можно ожидать всего, что угодно.

В этой связи, хотелось бы представить Вашему вниманию статью наших коллег Соболевой А. К. и Монахова В. Н. «Толкование понятия «распространение» в контексте применения норм уголовного права о клевете в печати», опубликованную в книге «Пределы правового пространства свободы прессы (российские споры с участием СМИ в контексте мировой практики)», подготовленной АНО «Юристы за конституционные права и свободы (ЮРИКС)».

В ней рассказывается об одном российском уголовном деле, в котором понятие «распространения сведений» было истолковано «по-особенному», дается анализ российского законодательства и практика применения и толкования нормы о распространении сведений. Любопытным также представляется сравнительный анализ законодательных положений Великобритании и США, а также судебной практики указанных стран по вопросу «распространения сведений».

А.К. Соболева
*кандидат филологических наук,
Главный эксперт – консультант
по научно-правовой деятельности
АНО «Юристы за конституционные права и свободы»*

В.Н. Монахов
*кандидат юридических наук,
экс-председатель Судебной палаты
по информационным спорам при Президенте РФ*

ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «РАСПРОСТРАНЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНОГО ПРАВА О КЛЕВЕТЕ В ПЕЧАТИ¹

Одна российская газета опубликовала статью «Не смотрите в замочную скважину», подписанную псевдонимом, которую упомянутый в ней депутат счел клеветнической. Депутат обратился в прокуратуру с просьбой привлечь к ответственности всех причастных к распространению данной информации в прессе. Подозрение в организации публикации статьи пало на журналиста А., в рабочем кабинете которого были произведены следственные действия – обыск и выемка. Во время выемки были изъяты служебный компьютер, личный переносной компьютер и все иные носители информации, имевшиеся в кабинете. В изъятом служебном компьютере хранился черновик статьи «Размышляя над портретом», которую журналист А. готовил для местной газеты. Этот черновик был случайно обнаружен в рамках расследования дела о клевете по заявлению депутата. В черновике статьи, посвященной коррупции в правоохранительных органах, указывалась фамилия конкретного работника прокуратуры, который

¹ Данная статья создана с использованием материалов, предоставленных авторам юристами ведущих юридических фирм США и Великобритании в рамках сотрудничества с International Senior Lawyers' Project (ISLP). ISLP – Международный проект высококвалифицированных юристов – был создан в США в 2000 году группой юристов в целях продвижения идей верховенства права, прав человека и справедливого экономического развития путем предоставления услуг опытными юристами и юридическими фирмами негосударственным некоммерческим организациям, а также правительствам развивающихся государств на добровольной основе. Активную деятельность ISLP начал в 2001 году. С этого времени организация занималась реализацией проектов в более чем 35 странах и предоставила бесплатные юридические услуги, включая помощь правозащитным организациям и помощь развивающимся странам в ведении переговоров по соглашениям об экономическом развитии, на сумму около 22 миллионов долларов США.

якобы брал взятки. Несмотря на то что после согласования с редактором газеты статья вышла в сокращенном виде и информации о работнике прокуратуры уже не содержала, против журналиста А. было возбуждено второе дело о клевете, поскольку пересылка статьи редактору для согласования, необходимого в силу ст. 26 Закона о СМИ, была квалифицирована как распространение клеветнических сведений. В качестве меры пресечения было избрано содержание под стражей. В результате судебных разбирательств журналист был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33 (соучастие в преступлении в роли организатора), ч. 2 ст. 129 (клевета, содержащаяся в СМИ) и ч. 3 ст. 129 (клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления), и приговорен к лишению свободы.

Данное дело поднимает целый ряд вопросов, связанных с правомерностью и пропорциональностью примененных к журналисту мер, которые при определенных условиях могут рассматриваться как ограничивающие свободу прессы. Наиболее неоднозначными в описанном контексте оказались вопросы о том, как следует толковать «распространение» порочащих сведений при установлении состава клеветы или диффамации и должен ли журналист пользоваться иммунитетом (освобождением от ответственности), если сведения передаются им только главному редактору в порядке служебной обязанности для согласования окончательного текста публикации и для получения разрешения на ее выход в свет. Анализ ситуации в свете российского законодательства, конституционно-правовых и международно-правовых стандартов, обязательных для России, а также в сравнительно-правовом аспекте отчетливо выявляет наличие серьезной проблемы, которую поднимает этот случай.

Сначала рассмотрим данную ситуацию по нормам российского законодательства и попытаемся ответить на вопрос, соответствует ли сложившееся в правоприменительной практике толкование понятия «распространение» из части 1 ст. 129 УК РФ положениям ч. 1 ст. 29 Конституции РФ и не лишает ли оно граждан гарантий, закрепленных в ч. 5 ст. 29 Конституции РФ?

Ст. 129 УК РФ определяет клевету как «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». При этом ни Уголовный кодекс, ни другие законодательные акты не содержат дефиниции слова «распространение». Это позволяет правоприменителю самостоятельно толковать текст указанной нормы. В описанном случае правоприменитель истолковал его как «любое сообщение недостоверных сведений о каком-либо лице третьему лицу», что соответствует сложившейся в российских судах практике. Такое толкование дает и Научно-практический комментарий к УК РФ под редакцией Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева: «Распространением сведений считается сообщение их в любой форме

хотя бы одному лицу помимо самого потерпевшего. Не имеет значения, кому сообщаются сведения: близким людям, знакомым или посторонним».¹

Применительно к специфике деятельности СМИ такое неоправданно широкое понимание понятия «распространение» фактически лишает журналистов и других авторов статей возможности свободно обмениваться во внутриредакционном обороте черновыми вариантами материалов с целью их обсуждения и согласования перед выпуском в качестве конечного продукта СМИ. Угроза уголовного наказания за клевету в неопубликованных, неотредактированных материалах приведет к внутренней цензуре, в то время как в соответствии с частью 5 ст. 29 Конституции РФ, провозглашающей свободу массовой информации, цензура запрещается. Расширительное толкование понятия «распространение» в контексте нормы о клевете также лишает журналистов права любым законным способом свободно передавать информацию, как это гарантировано ч. 4 ст. 29 Конституции РФ. Используя статью о клевете в описанном случае, сотрудники правоохранительных органов создали прецедент, который позволит вмешиваться в деятельность любой редакции СМИ, делая бессмысленным сам процесс создания печатной продукции. Получается, что любой журналист, собравший не имеющую стопроцентной точности информацию и предоставивший ее редактору для правки и согласования, может единственно лишь на основании факта выполнения им своей должностной обязанности подвергнуться уголовному преследованию.

Однако специфика журналистской деятельности заключается в том, что работать только с теми источниками, которые предоставляют абсолютно достоверную информацию, невозможно. Журналист обязан информировать общество о проблемах, опасностях, тенденциях, процессах. Функция «сторожевого пса» демократии зачастую заставляет его балансировать на грани дозволенного во имя интересов общества и права граждан на оперативное получение общественно значимой информации. Тем более неправомерным кажется применение в подобном случае части 2 ст. 129 УК РФ, устанавливающей ответственность за клевету, содержащуюся в «публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации», поскольку информация, содержащаяся в черновике статьи, отправленной по электронной почте главному редактору в процессе согласования, не может считаться «опубликованной» в СМИ. Помимо этого, ст. 23 Конституции РФ гарантирует право на тайну переписки и почтовых сообщений, причем ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. В описанном случае письмо главному редактору с черновиком статьи было изъято в рамках другого уголовного дела, поэтому встает вопрос о правовом регулировании так называемой «случайной находки». Данный вопрос по-разному решается в различных правовых системах. Целью настоящей статьи является анализ лишь того аспекта дела, который связан с моментом передачи черновика

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / Отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрид. лит., 1998. – С. 294.

материалов их автором по электронной почте главному редактору для их обсуждения и решения о том, какие факты требуют дополнительной проверки, а какие могут быть опубликованы.

В английском языке распространение охватывается словом *publication*, которое может быть переведено в контексте споров о клевете и диффамации не только как «опубликование», «распространение», но и как «раскрытие публике». Российский термин «распространение» («*dissemination*») идентичен по своему содержанию термину «публикация» (*publication*) в английском и американском праве, поэтому далее – при анализе судебной практики США и Великобритании – мы будем употреблять их как синонимичные. Вот что говорится по поводу «распространения» в самом авторитетном учебнике Великобритании по вопросам свободы слова «Гэтли о клевете и порочащих сведениях»: «Чтобы считаться публикацией, материал должен быть распространен (сообщен) третьему лицу, что подразумевает как минимум одного человека помимо самого истца».¹

В параграфе 6.8 учебника автор, рассматривая проблему передачи сообщений внутри одной организации, констатирует следующее: «В Англии совершенно четко установлено, что если А., сотрудник компании, передает диффамационный материал своему коллеге, то материал считается опубликованным, даже если нет дальнейшей публикации за пределами компании и даже если он касается исключительно внутренних дел самой компании».² Подобным образом, публикация имеет место, когда один партнер передает информацию другому. Однако высказывалась и такая точка зрения, что не будет публикацией отчет работника компании, не предназначенный для чтения за пределами компании, поскольку и действия сотрудника, который пишет отчет, и действия сотрудника, который его читает, являются действиями самой компании, а правовой ответственности за публикацию для себя самого не существует. В частности, эта точка зрения существует в некоторых, но не во всех, американских юрисдикциях, и в ее основе лежит довод, что (...) компания может вести свою деятельность только через своих сотрудников. Однако остается спорным, что сам по себе факт того, что коммуникация была добросовестной и касалась только дел компании, может являться адекватной защитой и будет рассматриваться как исключительная привилегия»³, т.е. послужит основанием для освобождения от ответственности.

Таким образом, британский закон, аналогично российскому, четко указывает, что распространение информации путем передачи ее даже одному лицу является достаточным основанием, чтобы признать факт диффамации.

¹ Gatley on Libel and Slander. Tenth edition. Ed. by Patrick Milmo Q. C. and W. V. Rogers, London, Sweet & Maxwell, 2004, para. 6. 1, p. 141.

² См., например, *Riddick v. Thames Board Mills* (1977) Q. B. 893, CA; *Pullman v. Hill* (1891) Q. B. 524; *Bloxsius v. Goblet Freres* (1894) 1 Q. B. 226. // Gatley on Libel and Slander. Tenth edition. Ed. by Patrick Milmo Q. C. and W. V. Rogers, London, Sweet & Maxwell, 2004, para. 6. 1, p. 148.

³ Gatley on Libel and Slander. Tenth edition. Ed. by Patrick Milmo Q. C. and W. V. Rogers, London, Sweet & Maxwell, 2004, para. 6. 1, p. 149.

Разумеется, существует возможность использовать в защиту журналиста аргумент о том, что в обсуждаемом деле должна применяться привилегия (иммунитет), исключающая ответственность. Такая привилегия появляется тогда, когда есть взаимный интерес и взаимная обязанность между ответчиком-журналистом и тем, кому были распространены сведения. В обсуждаемом деле есть достаточно сильный аргумент в пользу того, что журналист и редактор, в чью обязанность входит принятие решения о размещении материала в печати, связаны таким взаимным интересом и взаимной обязанностью. Однако допустимость данного аргумента не меняет того факта, что распространение имело место.

Защитник в судах Великобритании в деле, подобном рассматриваемому российскому делу, может попробовать, по аналогии с делом Джамиля (Jameel), снять обвинения с журналиста, сославшись на то, что наличествует нарушение судебной процедуры. В своем решении по делу Джамиля Апелляционный суд установил: «Существуют два недавних изменения, которые позволяют Суду с большей готовностью прийти к выводу, что возбуждение дела о клевете явилось злоупотреблением права на судебную процедуру. Во-первых, это введение новых гражданско- процессуальных правил. Выполнение судом его первостепенной задачи требует более гибкого и инициативного подхода суда к судебному разбирательству. Во-вторых, это вступление в силу Акта о правах человека. В соответствии с Разделом 6, необходимо, чтобы правоприменительная практика суда как органа публичной власти максимально, насколько это возможно, соответствовала Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Соблюдение баланса между положениями статьи 10 о свободе выражения мнения и защите репутации личности требует, как нам представляется, чтобы суд положил конец злоупотреблению диффамационными судебными процессами, которые не служат законной цели защиты репутации заявителей, и, наконец, стал присуждать выплату компенсации заявителю исключительно в том случае, когда вред его репутации был причинен незаконными действиями». Далее судья продолжил: «Если бы мы все-таки рассматривали жалобу, оставив в стороне вопрос о подведомственности спора данной юрисдикции, мы бы увидели, что пять фактов распространения информации, которые рассматриваются в данном деле, не привели, по отдельности либо вместе, к реальному и существенному причинению вреда. Вопрос о юрисдикции больше не стоит, но, с учетом того эффекта, который может иметь заявленное требование о судебном приказе, вопрос о котором нам еще предстоит рассмотреть, мы считаем, именно по той же самой причине, что было бы неправильно давать ход дальнейшему рассмотрению дела. Было бы злоупотреблением судебной процедурой продолжать тратить ресурсы английского суда, включая собственно судью и, вероятно, время присяжных, на дело, в котором, как мы сейчас видим, ущерб столь незначителен. Обычно малозначительные дела рассматриваются в рамках соответствующей им процедуры рассмотрения мелких дел. Однако такая процедура не применяется в делах о диффамации, в которых, несмотря на незначительный ущерб,

поднимаются сложные вопросы, и поэтому они подлежат рассмотрению по специальной процедуре в соответствии с правилами гражданского процесса».

Следует заметить, что в упомянутом деле заявитель не был оставлен полностью без средств защиты, поскольку акты диффамации совершались в разных странах. Решение суда говорит лишь о том, что ему было отказано в рассмотрении дела конкретно в Англии. При этом в схожих ситуациях ответчики-иностранцы не смогли добиться приостановления в английских судах рассмотрения поданных против них исков – в частности, этого не удалось добиться ответчику в деле *«Ричардсон против Шварценеггера»*¹, в котором истец (английский журналист) подал иск по поводу распространения информации в «Лос-Анджелес Таймс», или ответчику в деле *«Кинг против Льюиса»*², в котором истец, известный американский промоутер боксеров, имеющий надежную репутацию в Англии, подал иск против юриста из Нью-Йорка за высказывания, опубликованные на калифорнийском веб-сайте по поводу судебного разбирательства, которое состоялось в Нью-Йорке.

Таким образом, позиция суда в деле Джамиля могла бы быть совершенно иной, если бы истец был англичанином (или имел бы здесь заслуженную репутацию, как господин Кинг). У дела также мог бы быть иной исход, если бы распространение информации имело место только в рамках одной страны, на которую распространяется юрисдикция суда.

Еще в одном деле – *«Ратиу против Конвея» (Ratii v. Conway)* – клевета, ставшая предметом иска, содержалась в письме, которое видели лишь несколько человек в Англии. В нем суд присяжных присудил истцу возмещение вреда в размере 96 тысяч фунтов стерлингов. Поскольку процесс проходил с участием присяжных, судебное решение по этому делу недоступно, но впоследствии дело было передано в Апелляционный суд, где вердикт присяжных заседателей был отменен на том основании, что судья ошибся при разъяснении присяжным значения отдельных видов доказательств. Вместе с тем аргумент о том, что информация была распространена в очень ограниченных кругах и не могла повлиять на репутацию, не входил в круг оснований для подачи апелляции.

Из вышесказанного следует, что если бы дело, подобное делу российского журналиста А., произошло в Англии, то обсуждение журналистом персоны потерпевшего с редактором было бы признано по английскому законодательству «распространением» диффамации. Этого было бы достаточно для предъявления иска в суд (по меньшей мере, в рамках гражданского судопроизводства). Журналист мог бы оспорить иск, сославшись на привилегию, исключаящую ответственность, и, возможно, добился бы некоторого успеха, при условии, что истец не смог бы доказать, что ответчик действовал злонамеренно (т.е., в

¹ Richardson v. Schwarzenegger (2004) EWHC 2422 (QB).

² King v. Lewis [2004] EWCA Civ 13296. <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2004/1329.html>

терминах английского права, что у него были «незаконные мотивы»). Он также мог бы, на основании прецедента по делу Джамиля, попробовать добиться отмены иска, указав на то, что, в силу ограниченного круга распространения информации, не было причинено какого-либо значительного ущерба. Однако следует учитывать, что прецедент, созданный делом Джамиля, со времени принятия решения не получил дальнейшего распространения, а само это решение основывалось на определенных фактах, которые, возможно, не были бы учтены, будь истец постоянным резидентом страны, а распространение информации («опубликование», «публичное раскрытие») не выходило бы за пределы английской юрисдикции.

По законодательству Соединенных Штатов информация тоже считается опубликованной, если она передана хотя бы одному третьему лицу. Однако суды США уже давно признают, что акт коммуникации между руководителем и подчиненным «по предмету, в котором у них есть взаимный интерес», не считается публикацией и является основанием для изъятия из общего правила («квалифицируется как привилегия»). Так, в деле *«Хасан против Спайсера»*¹, в котором ответчик был нанят организацией для оценки деятельности истца, содержащиеся в отчете критические замечания были признаны подпадающими под защиту «привилегии действия в общих интересах». Эта привилегия, действующая при определенных условиях, иногда также называется «привилегией общения внутри организации»², согласно которой общение между отделами в процессе корпоративного бизнеса не является распространением третьему лицу с точки зрения законодательства о диффамации. Аналогично этому, в деле *«Ангоув против Уильямса-Сонома»*³ замечания диффамационного характера, переданные руководителем о своем подчиненном другому сотруднику организации, были расценены как коммуникация между сотрудниками корпорации, не являющаяся «публикацией» (распространением) по закону штата Оклахома.

В прецедентном праве США «диффамационные утверждения не влекут ответственности (составляют привилегию), когда распространивший их правильно или обоснованно считал, что у него или у нее имеется общий, взаимный или обоюдный интерес с реципиентом, что содержание переданного с очевидностью направлено на обеспечение или продвижение этого интереса, а также что реципиент имел право знать эту информацию».⁴ Хотя в прецедентном праве США не удалось найти судебных решений конкретно о передаче порочащей информации от журналиста к редактору, представляется, что в анализируемом случае могла бы применяться вышеописанная «внутрикорпоративная привилегия».

¹ Hassan v. Spicer, 2006 WL 228958 (E.D.N.Y. 2006).

² См. Halsell v. Kimberly-Clark Corporation, 683 F. 2d 285 (8th Cir. 1982).

³ Angove v. Williams-Sonoma, Inc., 70 Fed. Appx. 500 (10th Cir. 2003).

⁴ «Диффамация в частном секторе: клевета и оскорбление со стороны работодателя», 24 U. Dayton L. Rev. 405, 469 (1999).

В деле *«Герберт против Ландо»* (Herbert v. Lando) суд постановил, что не существует абсолютной привилегии в смысле Первой поправки, которая запрещала бы истцу вмешиваться в редакционный процесс. В правовой системе США имеются прецеденты, которые признают определенные привилегии за издателями, освобождающие их от ответственности за клевету, если только не имела место злонамеренность (actual malice). В деле *«Герберт против Ландо»* суд признал, что у истца есть право изучать суждения ответчика для определения того, был ли у того злой умысел, когда он публиковал ложные сведения. Суд решил, что исследование необходимых доказательств в данном случае не подпадает под «привилегию», и истец имеет право исследовать редакционный процесс, который включал показания журналиста о его переговорах с редактором. Но в этом решении суд признал, что имело место «распространение» (публикация) лишь в отношении статьи, в то время как общение и разговоры между редактором и журналистом не были расценены им как реальная публикация. Суд, скорее, рассматривает как реальную публикацию циркулирование информации за пределами новостного агентства. Как только информация вышла за пределы агентства новостей, репортер может привлекаться к ответственности за клевету, и его переговоры с редактором уже не считаются защищенными привилегией.

В целом же вопрос о том, был ли материал «публично раскрыт», ставится в американском праве, по утверждению авторов наиболее авторитетного труда в области диффамации, довольно редко и почти всегда в случаях, не связанных со СМИ.¹ Обычно «публичным раскрытием факта» считается утверждение какого-либо лица, якобы порочащее кого-то, которое стало известно кому-либо помимо данного лица и его собеседника.² Как только такое утверждение «станет фактически известным какой-либо третьей стороне», обычно появляется основание для возбуждения дела о диффамации.³ В рамках одного и того же учреждения не всегда бывает ясно, что следует считать «третьей стороной». В одном авторитетном труде по диффамации⁴ отмечается, что в американском законодательстве существует «неоднозначное мнение» относительно того, следует ли считать «публичным раскрытием факта» с целью диффамации сообщение, сделанное одним служащим компании другому в процессе служебной деятельности, «если подобное сообщение не выходит за рамки офиса данной компании». Во многих штатах считается, что сообщение, сделанное одним служащим другому в рамках одного и того же учреждения, не представляет собою публичного раскрытия факта с целью диффамации, в отношении которого можно было бы возбудить судебное дело. На основании этих положений и с учетом того, что любое учреждение может действовать только через своих представителей и служащих, любые внутриведомственные сообщения рассматриваются только как «беседы с самим собою» (см., например, дело *Л. Коухена и Ко против Дан и*

¹ Sack on Defamation Par. 2. 5. 1, в 2-86. Third edition, 2007.

² Ostrowe vs. Lee, 256 N. Y. 36, 38, 175 N. E. 505 (N. Y. 1931); Restatement (Second) of Torts, para. 577 (1997).

³ Sack on Defamation Par. 2. 5. 1, в 2-86. Third edition, 2007.

⁴ Sack on Defamation Par.. 2. 5. 3. 1 в 2-92/ Third edition, 2007.

*Брадстрит Инкорпорейтед*¹, в котором было установлено, что сообщение ответчика о якобы диффамационной характеристике, сделанное чиновнику, ответственному за проверку содержания документов, не является «публичным раскрытием факта» в соответствии с законодательством штата Коннектикут). В деле *«Уильямс против Кука»*² обсуждение сотрудниками больницы причин перемещения истца не подпадало под определение «публичного раскрытия факта», поскольку «сообщение, сделанное одним сотрудником учреждения другому, с юридической точки зрения, таковым не является». В деле *«Хэлселл против Кимберли-Кларк Корп.»*³ было установлено, что служебная записка в отношении служащего, выступающего в качестве истца, не может служить основанием для обвинения в диффамации, поскольку «общение между сотрудниками учреждения... в ходе их служебной деятельности не является публичным раскрытием факта в отношении третьего лица» в соответствии с законодательством штата Висконсин.

С другой стороны, в ряде штатов считается, что общение внутри учреждения может являться «публичным раскрытием факта» с точки зрения законодательства о диффамации.⁴ Данные положения подчеркивают необходимость защиты «интересов отдельных лиц и их репутации» и в более широком объеме определяют право на защиту от диффамации.

Например, в деле *«Бэлз против Вердузко»*⁵ суд постановил, что начальник истца допустил «публичное раскрытие факта» при представлении характеристик на своих служащих нанимателю. Подобным образом, в деле *«Альберт против Локсена»*⁶ по законодательству штата Нью-Йорк было установлено, что сообщение, «сделанное одним служащим другому», является публичным раскрытием факта, а в деле *«Арсеналт против Аллеген Эйрлайнз»*⁷ было отмечено, что «штат Массачусетс решительно отвергает положение о том, что при внутриведомственном общении не может допускаться публичное раскрытие факта».

Если же сообщение внутри учреждения рассматривается как «публичное раскрытие факта», то оно обычно подпадает под «право исключения», состоящее в том, что такое сообщение не может выступать предметом иска до тех пор, пока не преодолено данное исключение. Например, в упоминавшемся выше деле *«Бэлз против Вердузко»*⁸ было найдено, что предоставление характеристик на служащих, хотя и является «распространением», подпадает, тем не менее, под

¹ L. Cohen & Co. Vs Dun & Bradstreet Inc. 629 Supp. 1425, 1427 (D. Conn. 1986).

² Williams vs. Cook, 386 S. E. 2d 665, 666 (Ga. Ct. App. 1989).

³ Halsell vs. Kimberly-Clark Corp. 683 F. 2d 285,289 (8th Cir. 1982).

⁴ Restatement of Torts, par. 577 cmt. E (1977); Sack on Defamation par. 2. 5. 3. 1, в 2-92 – 2-94, third ed., 2007.

⁵ Bals vs. Verduzco, 600 N. E. 2d, 1353, 1354-55 (Ind. 1992).

⁶ Albert vs. Loksen, 239 F. 3d 256, (2d Cir. 2001).

⁷ Arsenault vs. Allegheny Airlines Inc. 485 F Supp. 1373, 1379 (D. Mass. 1980).

⁸ Bals vs. Verduzco, 600 N. E. 2d 1353,1356 (Ind. 1992).

право исключения в случае возбуждения дела о диффамации (что ведет к освобождению от ответственности). В деле *«Стюард против Пэнтри Инкорпорейтед»*¹ установлено, что «внутриведомственное общение в пределах учреждения, необходимое для деятельности данного учреждения», также подпадает под право исключения; То же самое правило было применено и в деле *«Уэлди против Птемонт Эйрлайнз Инкорпорейтед»*², в судебном решении по которому суд констатировал: «Сообщение, сделанное лицом при исполнении служебных обязанностей или вследствие служебной заинтересованности, и направленное лицу, исполняющему аналогичные обязанности или имеющему аналогичную заинтересованность, подпадает под право исключения, несмотря на то, что вне этого исключения оно могло бы рассматриваться как «клеветническое и подпадающее под судебную ответственность». Итак, в большинстве штатов допускается исключение «в общих интересах», которое защищает сообщения, относящиеся к вопросам совместной деятельности, «право на подобное исключение, помимо прочего, защищает служащих и лиц, связанных общей профессиональной деятельностью. Оно, однако, утрачивает силу в том случае, если истец докажет, что ответчик действовал, сознавая ложность своих утверждений или безрассудно пренебрегая истиной.³ Если будет в достаточной степени установлена вина или злонамеренность автора, высказывание, подпадающее под исключение, может рассматриваться как диффамация».⁴

В американской правовой системе также сложилась точка зрения, что «наличие или отсутствие публичного раскрытия факта (в рамках одного и того же учреждения) зависит от содержания сообщения».⁵

И если, как в российском случае с г-ном А., разговор состоялся «между одним служащим и другим относительно лица, не являющегося сотрудником данного учреждения, особенно если это было сделано с целью выработки общей позиции при составлении текста речи или решения о дальнейших действиях, это не является публичным раскрытием факта».⁶ Однако заслуживает особого интереса то, что по крайней мере один суд в США решительно встал на позицию, что внутри- ведомственное общение в рамках учреждения, относящегося к СМИ, независимо от того, попадает ли оно под привилегию, исключающую ответственность, не может рассматриваться как «распространение» (публичное раскрытие факта): «Против любой газеты могло бы быть выдвинуто обвинение в диффамации просто вследствие того, что ее корреспонденты обмениваются между собою якобы диффамационными материалами. В этом случае газете пришлось бы нести первоначальные расходы по защите в данном деле даже в том случае, если эти материалы в конечном итоге были бы признаны подпадающими под

¹ *Steward vs. The Pantry Inc.*, 715 F. Supp. 1361, 1367 (W. D. Ky. 1988).

² *Weldy vs. Ptedmont Airlines Inc.*, 985 F. 2d 57, 62 (2d Cir. 1993).

³ *Sack on Defamation* par. 9. 2. 3. в 9-27. Third edition, 2007.

⁴ Там же, par. 2. 5. 3. 2. в 2-95.

⁵ Там же, par. 2. 5. 3. 1. в 2-94.

⁶ Там же.

исключение. Кроме того, подход к внутриведомственному сообщению как к «распространению» мог бы при определенных обстоятельствах фактически помешать устранению неточностей; например, при обсуждении сотрудниками газеты вопроса об опровержении или исправлении якобы диффамационной информации могло бы возникнуть дополнительное «распространение» оскорбительных частей данной статьи».¹ (Американскому праву не известно ни одного случая, допускающего возбуждение иска о диффамации исключительно на основании того, что корреспондент поделился новостной информацией со своим редактором.) Более того, общепризнано, что корреспонденты и редакторы должны «иметь возможность обсуждать между собою диффамационные материалы, не опасаясь судебного преследования, с тем, чтобы определить, следует ли их опубликовывать».²

¹ L. Cohen & Co. vs. Dun & Bradstreet Inc., 629 F. Supp. 1425, 1427 (D. Conn. 1986).

² Sack on Defamation par 2. 5. 3. 1 в 2-94, Third edition, 2007. Цит. по: L. Cohen & Co, 629 F. Supp. в 1427.

Оскорбление

Глава 3

ГЛАВА 3

ОСКОРБЛЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Состав преступления «Оскорбление» был известен еще Уголовному кодексу РСФСР (1960 г.), который определял данный вид преступления как умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме. С принятием Уголовного кодекса РФ (1997 г.) изменился только номер статьи, но понимание того, что следует считать оскорблением, осталось прежним.

О необходимости декриминализации уголовной диффамации говорили долго и вполне аргументировано. Одной из главных причин такого обсуждения являлось мнение об отсутствии в диффамационных преступлениях признака общественной опасности, присущего любому преступлению. В этой связи уголовно-правовой механизм защиты чести и достоинства предполагался слишком чрезмерным и неадекватным. Очевидной представлялась несоизмеримость последствий судимости с характером совершенных клеветнических или оскорбительных действий. Аналогичная позиция высказывалась в международных документах и стандартах, которым российское законодательство должно было соответствовать.

Впервые декриминализация клеветы и оскорбления на законодательном уровне была предложена в июне 2009 года. Тогда в Государственную Думу был внесен законопроект, согласно которому предлагалось клевету и оскорбление признать административными правонарушениями и предусмотреть более мягкие санкции в виде штрафа. Однако законопроект не был поддержан, якобы из-за отсутствия статистики и анализа судебной практики по обсуждаемому вопросу.

Повторно предложение о декриминализации диффамации было внесено Президенту РФ Медведеву Д. А. уже в марте 2011 года. И уже в конце 2011 года принимается Федеральный закон № 420-ФЗ от 07.12.2011 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым осуществляется декриминализация некоторых преступлений путем их перевода в разряд административных правонарушений. Законодатели объяснили это общим курсом либерализации уголовного законодательства.

Что касается диффамационных преступлений, то из Уголовного кодекса РФ исчезают ст. 129 и 130, предусматривающие уголовную ответственность за клевету и оскорбление, а в Кодексе об административных правонарушениях РФ появляются две новые статьи - ст. 5.60 (Клевета) и ст. 5.61 (Оскорбление).

Однако, несмотря на многочисленные заявления представителей власти об успешно проведенной декриминализации диффамации, декриминализация оскорбления проводится лишь частично. В Кодекс об административных правонарушениях РФ переключивается только общий состав оскорбления. А в Уголовном кодексе РФ по-прежнему остаются специальные составы оскорбления, предусматривающие уголовную ответственность за оскорбление участников судебного разбирательства, судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ст. 297 УК РФ), а также за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) и оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ).

Подобное поведение законодателя представляется непоследовательным, а декларируемая либерализация уголовного законодательства с последующей якобы декриминализацией диффамации выглядит мнимой и притворной. При таком раскладе специальные составы оскорбления представляют собой скорее эффективный механизм «приструнивания непослушных», нежели чем адекватный способ защиты нарушенных прав.

«Спорным вопросом является предоставление антидиффамационным законом специальной защиты должностным лицам или общественно-значимым фигурам. Как показывает практика, чем выше уровень демократического развития государства, тем меньше степень предоставляемой защиты для указанных лиц. В уголовных кодексах западноевропейских государств диффамация в отношении членов правительства, а также судей часто выделяется в отдельный состав преступления, однако наказание, предусмотренное за такую диффамацию, не сильно превышает то, которое установлено за клевету или оскорбление любого другого индивида. А Уголовный кодекс Болгарии, наоборот, предусматривает повышенную ответственность должностного лица, если тот допустит оскорбление в адрес индивида. При этом специальной защиты от клеветы для должностных лиц уголовным законом не предоставляется.»¹

Что касается определения состава преступления «Оскорбления», то он был полностью заимствован в состав административного правонарушения, предусматриваемого ст. 5.61 КоАП РФ. Сохранив в первых двух частях ст. 5.61 КоАП РФ признаки ранее действовавшей ст. 130 УК РФ, законодатель ввел новый состав правонарушения, предусматривающий ответственность за непринятие мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

¹ Пределы правового пространства свободы прессы (российские споры с участием СМИ в контексте мировой практики): [сб. ст.] / Юристы за конституц. права и свободы; [сост., отв. ред. и авт. вступ. ст. А. К. Соболева]. – М., РИО «Новая юстиция», 2008.

ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

В соответствии с действующим законодательством, оскорбление – это унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме.

*Кодекс об административных правонарушениях РФ
Статья 5.61. Оскорбление*

«1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, -

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на должностных лиц - от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц - от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей.

2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, -

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от ста тысяч до пятисот тысяч рублей.

3. Непринятие мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей».

Из законодательного определения следует, что к признакам оскорбления, как административного правонарушения, следует относить следующие.

1. Унижение чести и достоинства другого лица.

Может выражаться устно, в виде словесных оскорблений, письменно, а также в форме действий, которые лицо, в адрес которого они направлены, расценит как унижающие его честь и достоинство.

Безусловно, слова и действия, расцениваемые как оскорбительные, могут быть направлены как в адрес одного лица, так и в адрес нескольких лиц или даже целой группы лиц. Однако, не всегда такие действия могут быть признаны нарушением ст. 5.61 КоАП РФ. Направленность распространенных сведений и совершенных действий против конкретного человека, идентификация его в качестве лица, чья честь и достоинство унижаются, является обязательным условием для наступления ответственности за оскорбление. Относимость сведений к конкретному лицу, обращающемуся за защитой нарушенного права - это отличительный квалифицирующий признак любого спора о диффамации.

Также не стоит забывать, что оскорбительные высказывания или действия, совершаемые в адрес группы лиц, определяемой общей профессией, религиозной, национальной, социальной и иной принадлежностью, могут квалифицироваться как дискриминационные преступления или правонарушения (например, ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» или ст. 5.62 КоАП РФ «Дискриминация»).

Немаловажным является и то, что оскорбление всегда подразумевает выражение одним лицом оценки в отношении личности, характера, поведения и иных качеств и поступков другого лица, которая всегда воспринимается негативно. В отличие от клеветы, оскорбление не предусматривает распространение утверждений о фактах, оно всегда выражается в форме мнений или суждений. И именно высказанные суждения, мнения или оценки лицо воспринимает негативно как оскорбляющие его, унижающие честь и достоинство.

Оскорбление чаще выражается в форме распространения мнений или суждений в неприличной форме, унижающих честь и достоинство лица, которому они адресованы. Но в практике встречаются также и случаи, когда оскорбительными признавались конкретные действия.

«Пример оскорбления действием приведен в апелляционном Определении Пермского краевого суда от 23.04.2012 по делу N 33-3299. В документе описано очевидно фамильярное обращение ученика коррекционной школы к учителю в присутствии других учеников и коллег. При рассмотрении дела установлено, что в кабинете классного руководителя, где кроме последней находились также завуч, истец, родители учеников, ответчик, навалившись на истца, которая сидела в кресле, обнял ее, тесно прижавшись. Согласия на такие действия ответчик у истца не спрашивал, ранее не был с ней знаком, близким ей человеком не являлся. В силу последнего действия ученика были расценены судом как вторжение в личное пространство истца, нарушением ее личной неприкосновенности, а истцом справедливо - как оскорбление и унижение.

Судебная коллегия отметила, что действия ответчика были явно неприятны истцу, выходили за рамки общепринятых норм поведения в обществе, тем более по отношению к женщине и педагогу в присутствии лиц, мнение которых об истце для нее немаловажно. Суд учел, что истец являлась учителем и обоснованно рассчитывала на уважительное отношение к ней, обдуманность действий участников переговоров».¹

2. Неприличная форма действий, унижающих честь и достоинство.

Главным квалифицирующим признаком оскорбления является форма, в которой выражается действие, направленное на унижение чести и достоинства. Эта форма должна быть исключительно неприличной. Оценка самим потерпевшим действий как унижающих его честь и достоинство при отсутствии той самой неприличной формы, исключает возможность привлечения виновного лица к ответственности за оскорбление.

Но на практике существует серьезная проблема в определении, что следует считать «неприличной формой». Сам правовой термин «неприличная форма» явно субъективен и размыт, что, с одной стороны, не позволяет четко оценивать совершаемые действия как оскорбительные, а с другой – дает возможность расширительного и чрезмерного толкования тех или иных действий как оскорбительных.

На практике суды решают эту проблему двумя способами: либо назначают проведение лингвистической экспертизы и доверяют решение вопроса о наличии «неприличной формы» специалисту, либо самостоятельно определяют критерии приличия. Не трудно догадаться, что процесс этот является сугубо субъективным, и базируется, как правило, на моральных принципах, этических стандартах и жизненных представлениях самого судьи.

Подтверждением того является многочисленная судебная практика, ярко иллюстрирующая сложность понимания судами правового термина и состава правонарушения «Оскорбление», а также трудность его применения на практике.

С одной стороны, суды сходятся во мнении, что понятие «неприличной формы» синонимично нецензурной лексике.

«Как видно из описательно-мотивировочной части приговора, суд признал оскорблением высказанную П. нецензурную брань, унижающую честь и достоинство потерпевших в неприличной форме...»

*(из Постановления Президиума Московского городского суда
от 23.09.2011 года по делу № 44у-242/11)*

«По смыслу закона неприличной считается открыто циничная, противоречащая общественной морали форма общения, унижительная для человека... Таким образом, согласно выводам суда, Б. оскорбил М. (в смысле ч. 1 ст. 130 УК РФ) литературно приемлемыми выражениями, то есть в иной, чем неприличная, форме, что не образует в деянии состава преступления».

*(из Определения Новосибирского областного суда
от 05.10.2011 года по делу № 22-5216)*

С другой стороны, суды часто признают оскорбительными выражения, которые попросту обидны истцу. В таких случаях суды перестают осуществлять правоприменение и оценивать спорные действия на предмет их соответствия правовой терминологии «неприличной формы», а выступают скорее в роли справедливых обывателей, примеряя на себя роль обиженного и оскорбленного человека и руководствуясь принципом «так говорить нельзя, это обидно». Установленный факт неприличности высказываний в таких случаях оказывается крайне неоднозначным.

«Представитель потерпевшего Власова А.С. по доверенности Маслиев Н.И. показал, что Саенко умышлено в целях унижения чести и достоинства Власова А.С., как гражданина и как достойного лица, назвал его крикуном и сплетником в статье, опубликованной в газете «Наша жизнь» от 23 января 1999 года. Выражения «крикун» и «сплетник» дают унижительную оценку личности Власова А.С. в неприличной форме.

Из статьи «Про кирзачи и фуфайку, или «Второй заход» во власть А.С.Власова, предварительные итоги» в газете «Наша жизнь» от 23 января 1999 года усматривается, что Саенко употребил адрес потерпевшего Власова А.С. выражения «крикун» и «сплетник».

Суд расценивает эти выражения как унижительные для чести и достоинства потерпевшего и неприличными по содержанию и форме.

Действия Саенко необходимо квалифицировать по ч.2 ст. 130 УК РФ, поскольку он употреблял в газетной статье выражения «крикун» и «сплетник» унижил в неприличной форме честь и достоинство потерпевшего в средствах массовой информации, к которым относится газета «Наша жизнь».

*(из Решения Ракитянского районного суда Белгородской области
от 8 июня 1999 года)*

Лингвисты, напротив, более единодушны в понимании «неприличной формы» и чаще всего идентифицируют ее через нецензурную брань, мат и другую инвективную лексику. Однако встречаются в судебной практике и такие ситуации, когда очевидно литературная форма высказываний признается экспертом-лингвистом недопустимой и оскорбительной.

«Постановлением мирового судьи судебного участка N 2 Камешковского района Владимирской области от 14.03.2012, вступившим в законную силу 31.03.2012, Н. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ. Указанным Постановлением было установлено, что обвиняемый в присутствии свидетелей в отношении потерпевшего употребил следующие выражения: "Кто тебя, пес, пустил?", "Что ты, пес, делаешь на моей территории?", "Где охрана? Почему этого пса сюда пустили?". Согласно заключению эксперта в указанных высказываниях содержится негативная оценка личности потерпевшего, выражения относятся к бранной (инвективной) лексике, противоречат нормам морали, являются неприличными и выражают негативное отношение к нему, имеют оскорбительный для него характер и унижают его честь и достоинство».¹

Из всего вышесказанного следует, что проблема понимания судами и экспертами-лингвистами правового термина «неприличная форма», проблема оценки и анализа спорных высказываний на предмет наличия этой самой «неприличной формы» является, пожалуй, самым серьезным препятствием при рассмотрении ранее уголовных, а ныне административных дел об оскорблении. В тоже время субъективность понятия «неприличная форма» способствует формированию негативной практики в ситуациях, когда дела об оскорблении возбуждаются в отношении СМИ и в качестве мотива, побуждающего обращаться с заявлением об оскорблении, выступают не действия, выраженные в неприличной форме, а желание «обиженного и оскорбленного» наказать журналиста за «неудобную» критику (чаще всего, когда критика высказана в отношении действий или деятельности представителей органов власти, общественных деятелей и иных публичных персон).

3. Умышленный характер действий, направленный на унижение чести и достоинства.

В отличие от гражданско-правовой диффамации, оскорбление, и как состав уголовного преступления, и как состав административного правонарушения, всегда характеризуется наличием вины, выраженной в форме умысла. Умысел на совершение оскорбления означает, что лицо, допускающее в отношении другого лица действия в неприличной форме, всегда осознает противозаконность своих

действий и желает причинения вреда в виде унижения чести и достоинства лицу, которому оскорбление адресовано.

Стоит отметить, что установление вины по делам об оскорблении не представляется простым занятием. Именно поэтому, большинство дел, в которых сторонами выступают обычные граждане, заканчиваются вынесением оправдательного решения. Если же говорить о делах с участием СМИ, то, как уже отмечалось, вариант обвинительного приговора или негативного решения возможен всегда, как при наличии вины, так и при ее очевидном отсутствии.

НОВЫЙ СОСТАВ ОСКОРБЛЕНИЯ

Несмотря на неизменное определение «оскорбления» в различных кодексах (УК РСФСР, УК РФ, а теперь и КоАП РФ), законодатель при декриминализации общего состава оскорбления «порадовал» нас установлением дополнительной административной ответственности за непринятие мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации.

«Непринятие мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации», - влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей».

Данная законодательная новелла не была позитивно воспринята ни представителями СМИ, ни медиаюристами. Прежде всего потому, что новая законодательная норма направлена на привлечение к ответственности специальных субъектов ответственности – должностных лиц, в обязанности которых входило предупреждение (пресечение) оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средстве массовой информации и которые такое предупреждение (пресечение) не осуществили по тем или иным причинам. К таким должностным лицам могут относиться редакторы газет, журналов, телепрограмм, сетевых изданий и иных средств массовой информации, другие лица, ответственные за подготовку, выпуск средства массовой информации.

На сегодняшний день правоприменительной практики, позволяющей оценить правомерность и обоснованность прочтения новой нормы ст. 5.61 КоАП РФ практически нет. И именно здесь очень уместно выражение «время покажет», однако медиаюристы опасаются, что ч. 3 ст. 5.61 КоАП РФ будет применяться исключительно как инструмент наказания и принуждения в ситуации, когда нужно показать редактору или учредителю СМИ «кто в доме хозяин».

ОСКОРБЛЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Как уже говорилось, на сегодняшний день оскорбление представляет собой административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ст. 5.61 Кодекса об административных правонарушениях РФ. В то же время признание распространенных сведений оскорбительными возможно и в рамках гражданского судебного разбирательства о диффамации по ст. 152 Гражданского кодекса РФ. О многочисленных подобных решениях судей наглядно свидетельствует судебная практика.

Статья, являющаяся предметом рассмотрения (комментарий Дьякова Д.С.) в целом является частным мнением журналиста. Также мнением, оценочным суждением, являются и каждая из вышеуказанных отдельных фраз. ... Все высказывания, которые допустил редактор в адрес Белинина В.М. не возможно ни доказать, ни опровергнуть.

Право высказывания мнения, в том числе в критической форме, является конституционным правом гражданина, в том числе журналиста. Мнение, даже неправильное с чьей-либо точки зрения, не может быть опровергнуто в судебном порядке и не влечет за собой право на опровержение в порядке ст. 152 ГК РФ. <...>

Тем не менее, суд полагает, что имеются основания для возложения на автора статьи-комментария ответственности за крайне оскорбительную, унижающую человеческое достоинство истца форму, в которой высказано частное мнение Дьякова Д.С. ... для суда очевидно, что уничижительные высказывания автора комментария, осознание того, что с таким мнением автора ознакомились многие читатели газеты, не могло не повлечь за собой нравственных страданий Белинина В.М..

(из Решения Коминтерновского районного суда г. Воронежа

Мало кто знает, что это возможно и даже вряд ли представляет себе как. Тем не менее такую возможность дает разъяснение, содержащееся в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

Как и некоторые другие нормы российского законодательства о диффамации, данное положение сформулировано настолько размыто, что за написанным трудно разглядеть смысл, который вкладывал в это разъяснение Верховный суд РФ. Для медиаюристов очевидным представляется такой смысл данной нормы: суд в ходе судебного разбирательства о защите чести и достоинства в рамках ст. 152 ГК РФ, может признать некоторые из оспариваемых сведений оскорбительными (как это определяла ранее ст. 130 УК РФ, а ныне определяет ст. 5.61 КоАП РФ) и возложить на ответчика меру ответственности в виде обязанности компенсировать истцу моральный вред за допущенное унижение его чести и достоинства.

«Если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (статья 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации)».

При этом в контексте данного разъяснения под оскорблением следует понимать исключительно унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме, поскольку на это есть прямое указание в виде отсылочной нормы к ст. 130 УК РФ.

В судебной практике, напротив, подобное единообразие мысли и понимания встречается не так часто. Суды при использовании данного правового разъяснения Верховного Суда РФ чаще исходят из субъективного понимания оскорбительного характера спорных суждений, основанного на личностном понимании «добра и зла», собственных моральных принципах и убеждениях.

«Костромской областной суд в кассационном Определении от 25 февраля 2009 г. по делу N 33-193 усмотрел оскорбление в действиях ответчицы, выразившееся в том, что она публично в присутствии жителей поселка высказывала в адрес истца слова «мошенник», «вор», «лжец», «хам». Как указал суд, «... указанные высказывания не содержат конкретных сообщений о фактах, представляют собой не сведения об истце, а оценочное суждение, субъективное мнение и убеждение ответчицы, поэтому не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Поскольку субъективное мнение, как верно указал суд (первой инстанции), было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство и деловую репутацию истца, то имеются основания для возложения на ответчицу обязанности компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (ст. ст. 150 и 151 ГК РФ)».

Аналогичного мнения придерживался и Мосгорсуд при рассмотрении апелляционной жалобы по делу по делу N 11-11593 на заседании 16 октября 2012 г. Коллегия поддержала мнение Зюзинского райсуда, заключившего, что фразы «Вы обманываете людей! Вы вводите их в заблуждение, вы нарушаете закон!», «Вы мошенник!», «Он наши деньги взял, нас обокрал, обворовал...», «... он наши деньги взял, нас обокрал, обворовал ...» являются оценочными суждениями ответчика, проистекающими из его убеждения, сформировавшегося в связи с деятельностью истца в должности, но при этом выраженными в оскорбительной форме.

Саратовский областной суд в кассационном Определении от 2 марта 2011 г. по делу N 33-1051 признал оскорбительными обзывательства «вруны» и «идиоты», произнесенные ответчиком в ходе производственного совещания. Коллегия согласилась, что спорные высказывания ответчика на производственном совещании в присутствии работников предприятия в отношении истцов свидетельствуют о нарушении им норм общественной морали и нравственности, являются оскорбительными по смыслу, содержанию, поскольку содержат в своей семантике и оценочном компоненте намерение говорящего унижить, оскорбить адресата речи.»¹

Зачастую мнения, оценки, суждения, признанные судами оскорбительными с использованием вышеуказанной нормы, не имеют ничего общего с неприличной формой выражения мнения и представляют собой скорее оценочные суждения, выраженные в чрезмерно острой, критической форме, обоснование которых должно быть проверено в рамках иска о защите чести и достоинства по ст. 152 ГК РФ и оценено с точки зрения допустимости и фактологической обоснованности или, напротив, чрезмерности и отсутствия фактов, на которых подобное мнение основывается.

На необходимость анализа с точки зрения фактологической обоснованности высказанных критических, острых и чрезмерных, но все-таки субъективных мнений и суждений справедливо указывает в своих постановлениях Европейский Суд по правам человека. Позиция же российских судов больше похожа на желание принять некое «соломоново решение» в ситуациях, когда субъективные высказывания подпадают под категорию оценочных суждений и не могут быть опровергнуты в порядке ст. 152 ГК РФ, но выражены в достаточно жесткой форме. Эта форма не является неприличной, а, соответственно, и оскорбительными такие суждения признаны быть не могут, но некий вред, по мнению суда, репутации все же нанесен.

«Давая оценку относительно того, было ли субъективное мнение высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, суд исходит из следующего.

Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова «финтифлюшка» - это пустая, легкомысленная женщина; «чудовище» - это жесткий и безнравственный человек или уродливый, безобразный, внушающий страх человек или животное.

Применительно к смыслу высказываний Мезака Э. А. «финтифлюшка», «...манерное чудовище» даны в качестве оценки личности Новиковой И. В. в связи с занятием ею должности помощника судьи, характеризуют ее как неспособного работника.

Допущенные Мезаком Э. А. высказывания в своих статьях «Мужской стриптиз» под фотографией с изображением Новиковой И. В. такие как «...финтифлюшка»; «В царстве Снежной королевы» - «...манерное чудовище», по мнению суда, имеют оскорбительную форму, унижают честь и достоинство Новиковой И. В.»

*(из Решения Эжвинского районного суда г. Сыктывкара
от 29 октября 2013 года)*

Учитывая наличие в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005 года прямой отсылочной нормы к ст. 130 УК РФ, правомерным и обоснованным предполагается признание субъективных суждений оскорбительными в рамках гражданского судебного разбирательства о диффамации в ситуациях, когда в спорных сведениях присутствуют все признаки оскорбления, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ. Это означает, что суд, прежде всего, должен устанавливать факт выражения суждений, мнений, оценок в неприличной форме. В свою очередь, отсутствие неприличной формы выражения мнения означает отсутствие оскорбления как такового, а, следовательно, и отсутствие предусмотренной законом возможности применения к ответчику меры ответственности в виде компенсации морального вреда.

ОСКОРБЛЕНИЕ «ГЛАЗАМИ» ЛИНГВИСТА

Как уже неоднократно говорилось, одним из основополагающих признаков административного правонарушения «Оскорбление» является неприличная форма высказываний. «Неприличная форма» - понятие крайне субъективное. Тест на «приличность» и «неприличность» оспариваемых высказываний каждый раз при рассмотрении спора осуществляет суд. Во многих случаях, судьи прибегают к помощи профессионалов – специалистов в области русского языка - лингвистов, перед которыми ставится задача определить этот самый важный критерий, установить неприличную форму. В этой связи, всегда любопытно заглянуть в процесс изнутри и понять, каким образом эксперты-лингвисты определяют различные высказывания, мнения, суждения в качестве оскорбительных.

Предлагаем Вашему вниманию статью заведующего кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, члена Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам Иосифа Абрамовича Стернина. Несмотря на то, что предлагаемая статья была подготовлена в период действия ст. 130 УК РФ (Оскорбление), ее обоснованность и практическая применимость до сих пор актуальны. Наряду с автором данной публикации приносим свои извинения за использование грубой лексики.

И. А. Стернин

*действительный член Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам,
заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики
Воронежского государственного университета,
директор Центра коммуникативных исследований ВГУ,
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

РАЗГРАНИЧЕНИЕ «РЕЧЕВОГО» И «ЮРИДИЧЕСКОГО» ОСКОРБЛЕНИЯ¹

Понятие *оскорбление* продолжает оставаться в центре внимания лингвистов-экспертов.

В лингвокриминалистическом анализе текста лингвист-эксперт достаточно часто сталкивается с необходимостью разграничения «юридического» оскорбления – *унижение чести и достоинства человека в неприличной форме* (бывшая ст. 130 УК РФ, сейчас ст. 5.61 КоАП РФ) и *речевого (бытового)* оскорбления, которые потерпевшие часто принимают за «юридическое» и подают иски об оскорблении.

Вместе с тем, если первое подлежит правовому регулированию, то второе подлежит только моральному осуждению и мерам общественного воздействия (за исключением публичного сквернословия, подлежащего административному штрафу как мелкое хулиганство по ст. 20.1 КоАП РФ). Это разграничение представляется нам исключительно важным и имеет большое значение для экспертной практики.

В этом случае необходимо исходить из четких представлений о нормативности, стилистической и морально-этической классификации лексики, которую мы представляем следующим образом (Стернин 2010, с.16-21) – см. таблицу.

Приносим читателю извинения за необходимость приводить примеры отдельных разрядов грубой лексики:

¹ И. А. Стернин. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // «Воронежский адвокат». – № 1(79). – 2010. – С.16-21.

Классификация лексики по стилистическим и морально-этическим признакам

по норматив- ности	нормативная			ненормативная			
	допустима в устной и письменно й речи	допустима преимущественно в устной речи		(допустима в ограниченном числе ситуаций употребления)			
по стилисти- ческой отнесен- ности единицы	литера- турная ехать, окно, читать, большой, горячо, включить, искусство, создать, перечис- лять	 разгово- рная <i>карто- шка, электр ичка, влипну ть, табуре тка, бездел ьник и др.</i>	неформал ьная <i>батя, тряпки, шмотки, малый, короче, типа, земляк, старина, набе- ру и др.</i>	снижен- ная Сленг (тачка, разборка, наезжать) Жаргон (лох, кент, шпора, клава) Просторе- чие (сиськи, переть)	вульгар-ная <i>харя, рожа, пузо, жопа, срать, ссать, мудохаться</i>	бран-ная <i>сволочь, подлец, дрянь, ублюдо- док, сука, дерьмо, говно, урод, гнида, козел, приду- рок, тварь</i>	нецен- зурная 5 слов, их синони- мы и производ- ные
				Грубая (оскорбительная)			
по формируем ому стилю общения	формальный стиль общения	неформальный стиль общения					
по морально- этическо- му критерию (допусти- мости в обществен- ном месте)	приличная (допустима в общественном месте)			некультурная (неуместна, не рекомендуется к использованию в общественном месте)			сквернословие
							непри- личная табуирова на, полность ю запреще на к использо ванию в обществ енном месте

Речевое оскорбление представляет собой публичное употребление в адрес потерпевшего (или в его отношении) грубой (оскорбительной) лексики – то есть лексики *вульгарной, бранной или нецензурной*.

Для признания факта речевого оскорбления необходимо, чтобы были удовлетворены следующие условия:

1. лексика принадлежит к разряду грубой (оскорбительной) - вульгарная, бранная или нецензурная;
2. грубая (оскорбительная) лексика использована в адрес конкретного потерпевшего;
3. грубая (оскорбительная) лексика использована публично.

Важно иметь в виду, что грубая (оскорбительная) лексика – это непостоянная характеристика определенных языковых единиц; грубым может быть только одно из значений слова. Необходим тщательный анализ контекста и ситуации употребления.

Оскорбительным для лица может являться употребление вульгарной, бранной и нецензурной лексики в его адрес. Лингвист в результате проведения экспертизы констатирует наличие оскорбительного характера употребления данной лексики (или отсутствие такового), устанавливает, употреблена ли она в адрес конкретного лица и использована ли публично.

Суд же должен определить, в какой степени правомерно потерпевший чувствует себя оскорбленным. Потерпевший должен объяснить, на чем основано испытываемое им чувство оскорбленности (то есть обиды, унижения), какие его права нарушены.

Существенное значение для анализа речевого (бытового) оскорбления и оскорбительного речевого словоупотребления в целом имеет разграничение *адресного* и *безадресного* употребления оскорбительной (грубой) лексики.

Адресное употребление бранной лексики

Если имеет место адресное публичное сквернословие - в адрес конкретного человека публично произнесены (или написаны) бранные слова – его назвали *тварью, сукой, козлом, уродом, подлецом, сволочью, гнидой*, либо в его адрес прозвучали нецензурные слова в любой форме, он чувствует себя оскорбленным. Адресное сквернословие оскорбляет его, поскольку вызывает у него обиду.

Адресное публичное употребление **бранной** лексики по отношению к человеку является для него оскорбительным, оскорбляет (обижает) его тем, что:

- понижает общественный статус потерпевшего, умаляет его статус в глазах окружающих, поскольку оскорбитель присваивает себе право публично нарушать моральные нормы общества, при том, что потерпевший этими правами не пользуется,
- публичным нарушением норм приписывает себе более высокий статус, демонстрирует возможность разговаривать с потерпевшим, не соблюдая нормы культуры общения и речевого этикета,
- придает потерпевшему статус социально осуждаемого лица,
- ставит потерпевшего в роль провинившегося, которую необходимо терпеть, не отвечая на брань, учитывая требования культуры общения и поведения,
- раскрывает, делает публично известной личную неприязнь к потерпевшему,
- создает у окружающих впечатление виновности потерпевшего, его непрофессионализма, неумения что-то делать, неадекватности его поведения и т.д., независимо от истинности обвинений,
- побуждает оправдываться перед сквернословом и окружающими, хотя для этого может не быть оснований,
- вызывает потерпевшего на скандал, провоцирует отвечать оскорбителю, провоцирует ответное нарушение норм культуры поведения и общения,
- делает потерпевшего предметом обсуждения в обществе, предметом жалости или злорадства и др.

Адресное употребление вульгарной лексики

Например, человеку публично говорят: - Ты что, *жопу* свою не можешь на минуту оторвать от стула?

Вульгарная лексика имеет в таких ситуациях оскорбительный для потерпевшего характер — использование ее в диалоге с ним понижает общественный статус потерпевшего, умаляет его статус в глазах окружающих, поскольку демонстрирует возможность разговаривать с ним, не соблюдая нормы культуры общения и речевого этикета.

Адресное употребление бранной и вульгарной лексики — это **речевое оскорбление**, это оскорбление человека грубой (оскорбительной) **речевой формой** адресованного ему высказывания.

Необходимо иметь в виду, что возможно **БЕЗАДРЕСНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ** бранной и вульгарной лексики - себе под нос, для словесного выражения эмоции, без публичного озвучивания — такое употребление не влечет последствий ни морального, ни юридического плана.

К примеру, выражение *Судья — идиот*, произнесенное истцом при выходе из судебного заседания в сердцах себе под нос, не является оскорблением судьи,

поскольку не было адресовано судье, а является субъективным словесным выражением негативного эмоционального отношения истца к решению судьи.

Адресное употребление нецензурной лексики

К нецензурной лексике в строгом смысле слова мы предлагаем относить в современном русском языке пять слов – наименование мужского полового органа (на х...), наименование женского полового органа (2 единицы –на п... и на м...), наименование акта совокупления (на е...) и женщины-проститутки (на б...), а также всех слов, однокоренных с названными.

Если нецензурное словоупотребление имеет место в узком кругу, адресовано членам узкого круга, осуществляется в отсутствие посторонних или свидетелей – правовых последствий употребления нецензурных слов и выражений в таких ситуациях не наступает.

Если нецензурная лексика используется публично в адрес человека – это *речевое оскорбление*, за которое следует административное наказание как за мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ):

«Глава 20. Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность.

Статья 20.1 Мелкое хулиганство

1. Мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества».

Если публично сообщаются в нецензурной форме порочащие человека сведения (о нарушении им моральных норм или законов) – это деяние подпадает под ст. 130 УК РФ – «Оскорбление» (женщину называют б...ью, имея в виду, что она ведет аморальный образ жизни).

Безадресное употребление нецензурной лексики

Однако возможно и не адресованное кому-либо конкретно употребление нецензурной лексики.

Если такое употребление нецензурных слов имеет публичный характер, осуществляется в общественном месте - следует административное наказание как за мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ.) (ср. случай Киркорова и журналистки Ароян).

Следует иметь в виду, что если лицо нецензурно ругается в узком кругу или себе под нос, но так, что эти ругательства слышат посторонние – это тоже публичное сквернословие, за которое следует административное наказание как за мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ.)

Если лицо нецензурно ругается себе под нос, используя нецензурные слова в междометной функции (*вот б..., опять опоздал*) или для словесного выражения личных негативных эмоций и данное нецензурное словоупотребление никому не адресовано и *его никто не слышит из посторонних* – правовых последствий не наступают.

Важным выводом из приведенных рассуждений нам представляется следующий: **на речевое оскорбление нельзя подавать иск в суд по ст. 130 УК РФ** (сейчас ст. 5.61 КоАП РФ).

Только за одно употребление бранной и вульгарной лексики в адрес человека не следует правового преследования, каким бы оскорбленным не посчитал себя тот человек, в адрес которого она прозвучала.

Речевое поведение грубияна, сквернослова, хама подлежит, к сожалению, в данный момент только *общественному моральному осуждению* как нарушение принятых в обществе норм речевого этикета, правил культуры речи, норм поведения в общественных местах и под.

Потерпевшему необходимо разъяснить, что в таком случае можно потребовать от оскорбителя извинения, можно написать жалобу его начальству, написать о его неблагоприятном поведении ему на работу, сделать его неблагоприятный поступок достоянием общественности в прессе, внести запись о допущенной грубости в жалобную книгу и под.

Но этот случай не подлежит правовому регулированию, он не подпадает под действие ст. 130 УК РФ «Оскорбление» (сейчас ст. 5.61 КоАП РФ) - «унижение чести и достоинства в неприличной форме»:

1. Бранная и вульгарная лексика – это не неприличная форма **в юридическом смысле** (то есть не *нецензурная*).
2. Бранная и вульгарная лексика **в юридическом смысле** слова не порочит человека, не унижает его честь и достоинство, так как не характеризует его как нарушителя каких-либо конкретных моральных норм или законов. Речь не идет о нарушениях моральных норм или законов, если о человеке сказали, что он *не может оторвать свою ж. от стула*, или его называли *тварью*.

Если человека под влиянием негативной эмоции человека называли общеоценочным словом *козел, тварь, урод, придурок* и под., значением этого слова ему не приписаны какие-либо нарушения норм морали или законов (в

отличие, скажем, от слов *ворюга, мошенник, взяточник, шлюха* и под.), и подобные случаи не подлежат правовому регулированию.

За публичное - *адресное или безадресное* - употребление нецензурной лексики должно следовать административное наказание.

«Юридическое» же оскорбление – это унижение чести и достоинства в **неприличной** (то есть *нецензурной* форме). А унижение чести и достоинства – это сообщение негативной информации о нарушении лицом моральных норм или законов. Именно по этим признакам можно подать иск по ст. 5.61 КоАП РФ.

Однако если человека публично обозвали в нецензурной форме (например, *пошел ты на х...*), но нет признаков сообщения данным словоупотреблением порочащих сведений (*пошел ты на х.* – данное высказывание не сообщает о нарушении лицом каких-либо моральных норм или законов), данный случай остается публичным употреблением нецензурной лексики и подлежит преследованию как мелкое хулиганство.

Законодательство о диффамации

Глава 4

ГЛАВА 4

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ДИФФАМАЦИИ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ (ИЗВЛЕЧЕНИЯ)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ от 19 декабря 1966 года

Статья 19

1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений.

2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору.

3. Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:

- а) для уважения прав и репутации других лиц;
- б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД от 4 ноября 1950 года

Статья 10

Свобода выражения мнения

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

ДЕКЛАРАЦИЯ О СВОБОДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ В СМИ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ (2004)

**(принята 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров на
уровне постоянных представителей)**

Спустя полвека после открытия к подписанию государствами-членами Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в дальнейшем именуемой Конвенцией, которая стала главнейшим инструментом защиты закрепленных в ней прав и свобод человека во всей Европе;

Считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим наследием;

Напоминая о приверженности всех государств-членов основополагающим принципам плюралистической демократии, соблюдения прав человека и верховенства закона, подтвержденным на Второй встрече глав государств и правительств 11 октября 1997 года в Страсбурге;

Подтверждая, что основное право на свободу выражения мнений и информации, гарантируемое ст. 10 Конвенции, составляет одну из важнейших основ демократического общества и одно из главных условий его прогресса и развития личности, как указано в Декларации Комитета Министров Совета Европы о свободе выражения мнений и информации 1982 года;

Напоминая о Декларации о перспективной политике в отношении СМИ, принятой Шестой европейской конференцией министров по вопросам политики в отношении СМИ, проходившей 15 и 16 июня 2000 года в Кракове;

Напоминая о Резолюции Комитета Министров Совета Европы (74)26 «Право на ответ - взаимоотношения граждан и прессы» и Рекомендации № R (99) 15 «О мерах, касающихся освещения избирательных кампаний средствами массовой информации»;

Напоминая также о своей Рекомендации № R (97) 20 «О "пропаганде ненависти"» и подчеркивая, что свобода политической дискуссии не предполагает свободного выражения расистских взглядов или взглядов, служащих разжиганию ненависти, ксенофобии, антисемитизма и любых форм нетерпимости;

Принимая к сведению Резолюцию 1165 (1998) Парламентской Ассамблеи «О праве на защиту частной жизни»;

Подтверждая первостепенное значение свободы выражения мнений и информации, в частности, посредством свободных и независимых СМИ, для обеспечения права общества на получение информации, имеющей общественное значение, и осуществление контроля за решением общественных и политических вопросов, а также для обеспечения подотчетности и прозрачности органов политической власти органов государственной власти, без ущерба для действующих в государствах-членах законодательных норм в отношении статуса и ответственности государственных должностных лиц;

Напоминая о том, что свобода выражения мнений предполагает наличие чувства долга и ответственности, о чем должны помнить работники СМИ, и о том, что она может быть ограничена на законных основаниях в интересах поддержания баланса между реализацией этого и других основных прав, свобод и интересов, охраняемых Конвенцией;

Сознавая, что лица, являющиеся кандидатами или избранные в политические органы, или прекратившие работать в них, или выполняющие политические функции на местном, региональном, национальном или международном уровне, или имеющие политическое влияние, в дальнейшем именуемые «политические деятели», а также лица, занимающие государственные должности или осуществляющие государственные властные полномочия на этих уровнях, в дальнейшем именуемые «государственные должностные лица», наделены основными правами, которые могут нарушаться в результате распространения в СМИ информации и мнений о них;

Сознавая, что в некоторых правовых системах за политическими деятелями и государственными должностными лицами по-прежнему сохраняются определенные правовые привилегии, направленные против распространения в СМИ информации и мнений о них, что несовместимо с правом на свободу выражения мнений и информации, гарантируемой ст. 10 Конвенции;

Сознавая, что право на осуществление общественного контроля за решением общественно значимых вопросов может включать в себя право на распространение информации и мнений о лицах, не являющихся политическими деятелями и государственными должностными лицами;

Призывает государства-члены Совета Европы обеспечивать широкое распространение настоящей Декларации, при необходимости в переводе, и доводить ее до сведения, в частности, органов политической власти, органов государственной власти и судебных органов, а также журналистов, СМИ и их профессиональных объединений;

Особо обращает внимание на следующие принципы, касающиеся распространения информации и выражения мнений о политических деятелях и государственных должностных лиц в СМИ:

I. Свобода выражения мнений и распространения информации посредством СМИ

Плюралистическая демократия и свобода политической дискуссии требуют, чтобы общество получало информацию по всем вопросам жизни общества, что предполагает право СМИ распространять негативную информацию и критические мнения о политических деятелях и государственных должностных лицах, а также право общества знакомиться с ними.

II. Свобода критики государства и общественных институтов

Государство, правительство и любые другие институты исполнительной, законодательной и судебной власти могут подвергаться критике в СМИ. В связи с их господствующим положением, эти институты не должны быть защищены посредством уголовного законодательства от клеветнических и оскорбительных утверждений. Причем, в тех случаях, когда данные институты пользуются такой защитой, она должна применяться в ограниченной степени, чтобы ни коим образом не ущемлять свободу критики. Лица, представляющие эти институты, сохраняют право на индивидуальную защиту.

III. Общественная дискуссия и контроль за политическими деятелями

Политические деятели решили заручиться общественным доверием и соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии, а значит, общество может осуществлять за ними строгий контроль и энергично, жестко критиковать в СМИ то, как они выполняли или выполняют свои обязанности.

IV. Общественный контроль за государственными должностными лицами

Государственные должностные лица должны согласиться стать объектом общественного контроля и критики, в частности посредством СМИ, в отношении того, как они исполняют или исполняли свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.

V. Свобода сатирических выступлений

Юмор и сатира, охраняемые ст. 10 Конвенции, допускают высокую степень преувеличения, даже провокации, при условии что общество не вводится в заблуждение относительно фактической стороны дела.

VI. Репутация политических деятелей и государственных должностных лиц

Политические деятели не должны пользоваться большей защитой своей репутации и прав, чем другие граждане, и поэтому в соответствии с нормами национального законодательства за критику политических деятелей к СМИ не должны применяться более суровые меры наказания. Этот принцип также распространяется на государственных должностных лиц; отступления от него допустимы лишь в строго ограниченных случаях, когда это необходимо в интересах надлежащего осуществления государственными должностными лицами своих полномочий.

VII. Защита частной жизни политических деятелей и государственных должностных лиц

В соответствии со ст. 8 Конвенции частная и семейная жизнь политических деятелей и государственных должностных лиц должна быть защищена от освещения в СМИ. Однако информация об их частной жизни может распространяться в тех случаях, когда имеется общественная обеспокоенность непосредственно в отношении того, как они исполняли или исполняют свои обязанности, с учетом необходимости избегать нанесения ненужного вреда третьим лицам. В случае, если политические деятели или государственные должностные лица обращают внимание общества на те или иные стороны своей частной жизни, СМИ имеют право подвергать их тщательному анализу.

VIII. Средства защиты от противоправных действий СМИ

Политические деятели и государственные должностные лица должны иметь возможность пользоваться теми же средствами правовой защиты от нарушения их прав со стороны СМИ, что и частные лица. Размеры компенсаций за нанесенный ущерб и штрафов, взыскиваемых за клевету или оскорбление, должны быть соразмерны степени нарушения прав и подрыва репутации других лиц, с учетом любых возможных добровольных компенсационных мер, предлагаемых самими СМИ и принимаемых потерпевшими. За клевету или оскорбление с использованием СМИ не должно назначаться наказание в виде лишения свободы, за исключением случаев, когда такая мера наказания совершенно необходима и соразмерна степени нанесенного вреда, особенно в тех случаях, когда в результате распространения СМИ клеветнических или оскорбительных высказываний, например, направленных на разжигание ненависти, было допущено серьезное нарушение других основных прав личности.¹

¹ Перевод Совета Европы в редакции Института проблем информационного права, 2004.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПАСЕ № 1577

(принята 4 октября 2007 года (34-е заседание) Ассамблеей стран-участниц)

НА ПУТИ К ОТМЕНЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДИФФАМАЦИЮ

1. Ссылаясь на рекомендацию 1589 (2003) и резолюцию 1535 (2007), Парламентская ассамблея напоминает, что свобода выражения мнения безусловно является краеугольным камнем демократии. Подлинная демократия не мыслима без подлинной свободы слова.
2. Прежде всего, Ассамблея заявляет, что пресса играет основополагающую роль в продвижении дискуссии по вопросам, волнующим общество, и что максимально открытое обсуждение этих вопросов имеет для демократии жизненно важное значение.
3. Ассамблея обращает внимание на резолюцию 1003 (1993) о журналистской этике и подчеркивает, что любой, кто пользуется своим правом на свободу выражения мнения, берет на себя и соответствующие обязательства и обязанности. Ему надлежит действовать добросовестно и распространять точную достоверную информацию в соответствии с требованиями журналистской этики.
4. Из прецедентной практики Европейского суда по правам человека вытекает, что статья 10 Европейской конвенции о правах человека гарантирует свободу выражения мнений не только в отношении «информации и идей, которые встречают положительный отклик или считаются безобидными и нейтральными, но и в отношении той информации и идей, которые оскорбляют, шокируют или возмущают».
5. Ассамблея отмечает, что свобода выражения мнений не является безграничной, и что в демократическом обществе может возникнуть необходимость вмешательства со стороны государства при условии, что для этого есть твердая правовая основа, и что это, безусловно, отвечает общественным интересам, в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Европейской конвенции о правах человека.
6. Законы об ответственности за диффамацию преследуют законную цель по защите репутации и прав граждан. Тем не менее, Ассамблея призывает государства-члены крайне осторожно применять эти законы, так как это может серьезно ущемить свободу выражения мнений. Поэтому Ассамблея настаивает на введении процедурных гарантий, позволяющих любому лицу, обвиняемому в диффамации, обосновать свои утверждения, чтобы избежать возможной уголовной ответственности.

7. Кроме того, утверждения и предположения, высказываемые в интересах общества, даже если они окажутся неверными, не должны преследоваться в том случае, если они были сделаны без ведения об их недостоверности, без намерения причинить вред, а проверка их достоверности была проведена с необходимой тщательностью.

8. Ассамблея сожалеет, что в ряде государств-членов преследование за диффамацию сопровождается злоупотреблениями, которые можно рассматривать как попытки властей подавить критику со стороны СМИ. Такие злоупотребления – приводящие к настоящей самоцензуре в СМИ и постепенному свертыванию демократической дискуссии и общего информационного обмена – уже вызвали осуждение со стороны гражданского общества, в частности, в Албании, в Азербайджане, а также в Российской Федерации.

9. Ассамблея разделяет четкую позицию, занимаемую Генеральным секретарем Совета Европы, осудившего угрозы преследования за клевету как «особенно изощренную форму запугивания». Ассамблея считает недопустимым такое ошибочное применение законодательства о диффамации.

10. Ассамблея также приветствует усилия представителя по свободе СМИ Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), направленные на отмену уголовной ответственности за диффамацию, а также его твердую приверженность делу защиты свободы СМИ.

11. Ассамблея с большой озабоченностью отмечает, что во многих государствах-членах за диффамацию законодательно предусмотрено наказание в виде тюремного заключения, и что некоторые из них, например, Азербайджан и Турция, до сих пор применяют его на практике.

12. Каждый случай тюремного заключения работников СМИ является недопустимым препятствием в реализации свободы выражения мнений и приводит к тому, что журналистам, хотя они и действуют на благо общества, угрожает дамоклов меч, а общество в целом страдает от того, что посредством такого давления журналистов заставляют молчать.

13. Поэтому Ассамблея полагает, что наказание в виде тюремного заключения за диффамацию должно быть незамедлительно отменено. В частности, она призывает государства, в законодательстве которых до сих пор предусмотрено наказание в виде лишения свободы, – хотя норма о лишении свободы на практике не применяется – незамедлительно отменить эти положения с тем, чтобы это не служило, пусть и неправомерно, оправданием для государств, продолжающих применять эту норму, и не приводило к размыванию основополагающих свобод.

14. Ассамблея также осуждает неправомерное обращение к такой мере, как присуждение непомерно высоких компенсаций за вред и начисление процентов в делах о диффамации, и указывает на то, что присуждение несоразмерных

компенсаций может также противоречить статье 10 Европейской конвенции о правах человека.

15. Ассамблея осознает тот факт, что, как показывает история, злоупотребление свободой выражения мнений может таить в себе опасность. Как это недавно было подтверждено в рамочном решении, касающемся стран-членов Европейского союза, должны существовать возможности привлечения к судебной ответственности лиц, подстрекающих к насилию, пропагандирующих отрицание холокоста и расовую ненависть, враждебно относящихся к ценностям плюрализма, терпимости и открытости, которые отстаивает Совет Европы и Конвенция.

16. В заключение Ассамблея хотела бы вновь подтвердить, что защита источников информации, получаемой журналистами, отвечает высшим интересам общества. Журналистам, привлекаемым к судебной ответственности за диффамацию, должно иметь право защищать свои источники информации или предъявлять в свою защиту документы, не доказывая при этом, что она была получена по законным каналам.

17. Исходя из этого, Ассамблея призывает государства-члены:

17.1. незамедлительно отменить наказание за диффамацию в виде лишения свободы;

17.2. обеспечить недопущение неправомерного применения уголовного преследования за диффамацию и гарантировать независимость прокуроров, ведущих такие дела;

17.3. дать более точное определение диффамации в своем законодательстве во избежание произвольного применения закона и для обеспечения эффективной гражданско-правовой защиты человеческого достоинства лиц, затронутых диффамацией;

17.4. в соответствии с общеполитической рекомендацией №7 Европейской комиссии против расизма и нетерпимости (ЕКРН) ввести уголовную ответственность за подстрекательство к насилию и дискриминации, разжигание ненависти, а также угрозы в адрес отдельных лиц и групп лиц по признакам расы, цвета кожи, языка, религии, гражданства, национальной и этнической принадлежности при условии, что эти действия являются преднамеренными;

17.5. применять наказание в виде лишения свободы только за подстрекательство к насилию, пропаганду ненависти и отрицание холокоста;

17.6. в соответствии с прецедентной практикой Европейского суда по правам человека исключить из своего законодательства о диффамации нормы,

обеспечивающие усиленную защиту общественных деятелей, в частности, Ассамблея призывает:

17.6.1. Турцию внести соответствующие поправки в статью 125.3 Уголовного кодекса;

17.6.2. Францию пересмотреть Закон от 29 июля 1881 года с учетом прецедентной практики Европейского суда по правам человека;

17.7. обеспечить законодательно, чтобы лица, преследуемые за диффамацию, располагали надлежащими средствами для своей защиты, в частности, средствами, позволяющими подтвердить достоверность своих утверждений и их соответствия интересам общества, и призывает, в частности, Францию внести изменения в статью 35 своего закона от 29 июля 1881 года, предусматривающую неоправданные исключения, не позволяющие ответчику доказать истинность вменяемой ему диффамации;

17.8. установить разумные и соразмерные верхние пределы компенсации вреда и начисления процентов по делам о диффамации, которые бы не подвергали риску существование выступающего в роли ответчика органа СМИ;

17.9. создать надлежащие правовые гарантии по недопущению присуждения компенсаций за вред и начисления процентов, несоразмерных фактически нанесенному вреду;

17.10. привести свое законодательство в соответствие с прецедентной практикой Европейского суда в отношении защиты источников журналистской информации.

18. Ассамблея призывает профессиональные организации журналистов, если этого до сих пор не сделано, к созданию кодексов журналистской этики.

19. Она приветствует действия властей Турции по внесению изменений в статью 301 Уголовного кодекса Турции, касающейся «клеветы» на Турцию.

РЕЗОЛЮЦИЯ 1947 (2013)1

МАССОВЫЙ ПРОТЕСТ И ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА СВОБОДУ СОБРАНИЙ, СМИ И СЛОВА

Парламентская ассамблея Предварительное издание Неофициальный перевод

1. В последнее время во многих европейских (и неевропейских странах) стали нарастать массовые протестные явления. Демонстрации часто никем не регулируются, а их участники согласуют свои действия по социальным сетям. Право индивидуумов протестовать против своих демократически избранных правительств является не менее законным, чем право каждого правительства не менять свою политику, несмотря на такие протесты.

2 В прошлом году такие демонстрации прошли во многих городах и странах Европы. Во всех случаях протесты начинались мирно, даже если в некоторых случаях незначительное меньшинство участников вело себя агрессивно. Ответные меры властей и действия правоохранительных органов не всегда были соразмерными.

3. В качестве примеров мирных демонстраций, которые прошли в Европе в последние месяцы и вылились в столкновения с полицией, можно назвать:

3.1. несколько демонстраций против однополых браков в Париже в период с 24 марта по 27 мая 2013 года ("Манифестация для всех"), в которых приняли участие более 2 миллионов человек, потребовали вмешательства правоохранительных органов, включая применение слезоточивого газа в отношении мирных демонстрантов. Четыре человека получили ранения, а несколько сот человек были задержаны;

3.2. волнения, которые произошли в пригородах Стокгольма в период с 20 по 24 мая 2013 года, когда люди протестовали против убийства полицией иммигранта и в целом против иммиграционной и интеграционной политики. Сообщений о раненых не поступило, полиция задержала 29 человек;

3.3. совсем недавно, 31 мая 2013 года, мирная демонстрация, организованная противниками проекта городской застройки в Стамбуле, привела к силовому вмешательству полиции и вызвала беспрецедентное протестное движение в Турции. В десятках турецких городов сотни тысяч людей выразили свое несогласие с позицией турецких властей и приняли участие в демонстрациях. Во многих местах эти демонстрации вылились в столкновения с силами безопасности с систематическим применением слезоточивого газа (перечного спрея), водометов, а в некоторых случаях и с применением резиновых пуль.

Парламентская ассамблея выражает сожаление по поводу того, что четыре человека, включая одного сотрудника полиции, погибли, а почти четыре тысячи получили ранения.

4. Парламентская ассамблея поддерживает заявление Генерального секретаря Совета Европы от 25 июня 2013 года, в котором, в частности, отмечается необходимость выполнения решений Европейского суда по правам человека, касающихся применения силы в отношении демонстрантов.

5. Ассамблея отмечает, что свобода собраний и объединений, включая неорганизованный и несанкционированный протест, является одним из основных прав в демократическом обществе, которое гарантируется статьей 11 Европейской конвенции о правах человека (СЕД №5) и постоянно отстаивается Европейским судом по правам человека с помощью прецедентной практики. Любые ограничения этого права должны быть предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе. Именно власти призваны гарантировать осуществление права на свободное выражение мнений и на манифестации.

6. Поэтому при массовых протестах роль правоохранительных органов заключается в том, чтобы защищать права демонстрантов, их свободу объединений и выражения мнений, защищая вместе с тем других лиц, государственную и частную собственность. При этом им следует руководствоваться не только указаниями вышестоящих органов, но и четко сформулированными стандартами и принципами.

7. Ассамблея осуждает имевшие место в последнее время факты чрезмерного применения силы для разгона демонстрантов и вновь обращается к властям с призывом обеспечить, чтобы действия полиции, там, где они необходимы, оставались соразмерными. Ссылаясь на позицию Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (КПП) и прецедентную практику Европейского суда по правам человека, она подчеркивает, что применение слезоточивого газа создает серьезную угрозу для здоровья людей.

8. Ассамблея напоминает, что граждане имеют право получать объективную и полную информацию, и что власти призваны гарантировать условия, благоприятствующие эффективной реализации свободы СМИ и выражения мнений в соответствии с прецедентной практикой Европейского суда по правам человека. В частности, она подчеркивает необходимость прояснения вопросов собственности и независимости СМИ.

9. Соответственно, Ассамблея настоятельно призывает государства-члены Совета Европы принимать, в соответствующих случаях, меры по приведению своего законодательства в соответствие со стандартами Совета Европы и прецедентной

практикой Европейского суда по правам человека, включая свободу выражения мнений, свободу СМИ и свободу собраний, и предлагает им:

- 9.1. гарантировать свободу собраний и свободу манифестаций в соответствии с прецедентной практикой Европейского суда по правам человека и обеспечить, чтобы эти свободы соблюдались на практике;
 - 9.2. должным образом расследовать случаи чрезмерного или несоразмерного применения силы сотрудниками правоохранительных органов и наказывать виновных;
 - 9.3. активизировать совместно с Советом Европы обучение по правозащитной тематике сотрудников правоохранительных органов, а также судей и прокуроров;
 - 9.4. составить четкие инструкции в отношении применения слезоточивого газа (перечного спрея) и запретить его применение в замкнутых пространствах;
 - 9.5. обеспечить свободу СМИ, положить конец преследованиям и задержаниям журналистов и обыскам помещений СМИ, а также воздерживаться от применения санкций в отношении СМИ, освещающих массовые протесты, в том числе в соответствии с резолюцией 1920 (2013) "О состоянии свободы СМИ в Европе";
 - 9.6. пересмотреть уголовные и уголовно-процессуальные кодексы, а также законодательство о борьбе с терроризмом и административные кодексы в тех случаях, когда соответствующее законодательство не соответствует стандартам Совета Европы и прецедентной практике Европейского суда по правам человека;
 - 9.7. изучить пути выяснения мнения населения или его привлечения к решению общественно значимых вопросов на местном и национальном уровне, руководствуясь соответствующими европейскими стандартами и наиболее эффективными методами работы, в том числе в соответствии с резолюцией 1746 (2010) "Демократия в Европе: кризис и перспективы";
 - 9.8. воздерживаться от создания ненужных административных и организационных препятствий, мешающих работе организаций гражданского общества, в частности от проведения проверок, наложения штрафов и санкций. Такого рода избыточные меры лишь усиливают недовольство населения и могут привести к дальнейшему нарастанию массовых протестов.
10. В заключение Ассамблея предлагает Генеральному секретарю Совета Европы рассмотреть вопрос о разработке руководства по соблюдению прав человека при обеспечении порядка в ходе демонстраций.

РЕЗОЛЮЦИЯ 1920 (2013)1

О СОСТОЯНИИ СВОБОДЫ СМИ В ЕВРОПЕ

Парламентская ассамблея

Предварительное издание

1. Парламентская ассамблея подчеркивает, что свобода выражения мнений и информации является краеугольным камнем эффективного управления и процветающей демократии, а также одним из основных обязательств каждого государства-члена в соответствии со статьей 10 Европейской конвенции о правах человека (СЕД № 5, "Конвенция"). В частности, согласно статьям 2 и 10 Конвенции на государства-члены возлагается позитивное обязательство по защите журналистов от посягательств на их жизнь и свободу выражения мнений и недопущению безнаказанности таких деяний.

2. Ассамблея осуждает многочисленные покушения на журналистов, специализирующихся на расследованиях, а также угрозы в адрес лиц, сотрудничающих со СМИ, специализирующимися на расследованиях, таких как Сергей Магницкий, которого в 2009 году пытали и убили в российской тюрьме. Ассамблея призывает компетентные органы проводить надлежащие расследования по таким делам с тем, чтобы привлекать к ответственности заказчиков.

3. Что касается убийства Рафика Таги в Азербайджане в 2011 году, Ассамблея снова, как и в 2007 году, осуждает фетву, вынесенную ему в Иране за перепечатку в азербайджанской газете карикатур на пророка Мухаммеда, опубликованных в газете "Юландс-постен". Приветствуя арест и осуждение в Дании в июне 2012 года группы преступников-исламистов, намеревавшихся совершить крупный террористический акт в отношении редакции "Юландс-постен" в Копенгагене, Ассамблея осуждает недавнюю иранскую фетву, вынесенную против проживающего в Германии Шахина Наджафи, и подчеркивает, что власти государств-членов обязаны бороться с религиозно-мотивированными и иными формами терроризма, который угрожает жизни людей и свободе выражения мнений.

4. Ссылаясь на пункты 4 и 5 своей рекомендации 1897 (2010) "Соблюдение свободы СМИ", Ассамблея приветствует арест и осуждение национальными судами убийц Иво Пуканича и Нико Франича в Хорватии, Анастасии Бабуровой и Станислава Маркелова в России, а также Гранта Динка в Турции. При этом требуется продолжить установление круга связей этих убийц с целью выявления возможных сообщников и действенной борьбы со средой, враждебной свободе СМИ.

5. В связи с многочисленными случаями убийств и жестоких избиений журналистов в России Ассамблея отмечает, что в 2011 году при Президенте России создан Следственный комитет Российской Федерации. Ассамблея призывает данный комитет продолжать работу, ранее начатую другими следственными органами, периодически публиковать отчеты о своей работе и установить нормы надлежащей практики и судебного надзора. Ассамблея призывает Комиссара по правам человека подготовить доклад о мерах, принимаемых российскими властями для действенной борьбы с фактической безнаказанностью многочисленных убийств журналистов и правозащитников в России.

6. Ассамблея возмущена тем, что большое число журналистов в Турции подверглись лишению свободы, арестам и преследованиям за выражение своих политических взглядов и участие в политической дискуссии, без которой невозможна живая демократия. Обилие таких фактов оказывает на медиа-сообщество и журналистов Турции парализующее действие.

7. Приветствуя принятие 2 июля 2012 года парламентом Турции "третьего пакета судебной реформы", который в перспективе может положить конец практике чрезмерно длительного тюремного заключения, Ассамблея с озабоченностью отмечает, что лица, лишённые свободы по ранее вынесенным приговорам, продолжают находиться в заключении, а текущие дела по-прежнему рассматриваются ранее созданными специальными судами. Ассамблея призывает правительство Турции безотлагательно и в полном объеме выполнить рекомендации, сформулированные в докладе Комиссара по правам человека от 12 июля 2011 года.

8. Пересмотр парламентом статьи 301 Уголовного кодекса Турции в 2008 году не решил проблему возможного неправомерного применения этой статьи против журналистов и иных лиц, как указал Европейский суд по правам человека в деле "Алту Танер Акджам против Турции" 25 октября 2011 года. Поэтому Ассамблея призывает Турцию немедленно отменить статью 301.

9. Ассамблее весьма сложно понять большое число уголовных дел, открытых против журналистов на основании статей 285 и 288 Уголовного кодекса Турции, статьи 6 Закона о борьбе с терроризмом и соответствующих положений других законодательных актов, в частности, в связи с освещением групповых судебных процессов по делу о преступной организации "Эргенекон". Уже сам количество дел является признаком грубого нарушения свободы СМИ, в том числе в свете рекомендации Комитета министров Rec(2003)13 о распространении через СМИ информации о производстве по уголовным делам.

10. Приветствуя проекты содействия и сотрудничества с Турцией, начатые Советом Европы по предложению премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в апреле 2011 года, Ассамблея призывает Генерального секретаря

Совета Европы оценить результативность этих мер, провести обзор, а возможно и расширить мероприятия сотрудничества по вопросам свободы СМИ.

11. Ассамблея принимает к сведению изменения, внесенные в мае 2012 года в законы о СМИ, принятые в Венгрии в 2010 году, но сожалеет о том, что эти изменения снимают лишь немногие вызывающие озабоченность вопросы, поднятые Комиссаром по правам человека в своем заключении от 25 февраля 2011 года, и не позволяют предотвращать злоупотребления такими законами с целью ограничения свободы СМИ. В этой связи Ассамблея призывает правительство Венгрии в полном объеме выполнить рекомендации Комиссара по правам человека.

12. Ассамблея осуждает непрекращающиеся систематические нарушения свободы СМИ в Беларуси и напоминает правительству этой страны о его обязательствах в соответствии со статьями 9, 19 и 25 Международного пакта о гражданских и политических правах. Учитывая, что Беларусь является кандидатом в члены Совета Европы и стороной Европейской культурной конвенции (СЕД № 18), стандарты Совета Европы, включая прецедентную практику Европейского суда по правам человека, составляют правовые ориентиры, которые не могут не учитываться властями Беларуси. В связи с этим Ассамблея приветствует учреждение Советом ООН по правам человека должности специального докладчика по состоянию прав человека в Республике Беларусь и призывает специального докладчика сотрудничать с профильными комиссиями Ассамблеи.

13. Ассамблея призывает власти Беларуси провести надлежащее расследование по делу о пропаже без вести в 2000 году фотожурналиста Дмитрия Завадского и смерти в 2010 году основателя новостного веб-сайта "Хартия-97" Олега Бебенина, немедленно выпустить из тюрьмы Алеся Беляцкого и освободить из заключения Антона Сурыпина, отменить наказания, вынесенные Ирине Халип, Андрею Почобуту, Павлу Свердлову, Юлии Дорошкевич и Ирине Козлик, снять обвинения с Натальи Радиной, Андрея Почобута, Павла Евтихеева, Андрея Ткачева, Романа Протасевича, Олега Шрамука и Сергея Беспалова и в соответствии с заключениями, принятыми Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией) 17-18 декабря 2010 года и 17-18 июня 2011 года, прекратить практику вынесения административных предупреждений средствам массовой информации и общественным объединениям.

14. Значительное развитие Интернет-СМИ существенно расширило возможности всех граждан по получению и распространению информации и идей без вмешательства государственной власти и не взирая на государственные границы в соответствии со статьей 10 Европейской конвенции о правах человека. Ассамблея осуждает преследование, лишение свободы и помещение в заключение пользователей Интернета за политическую критику власти, например, в Азербайджане, Российской Федерации и Турции, а также в Беларуси.

15. Ссылаясь на свою резолюцию 1577 (2007) "На пути к отмене уголовной ответственности за диффамацию", Ассамблея выражает сожаление по поводу чрезмерно жесткого применения норм уголовного права, касающихся диффамации, в Азербайджане и Турции, а также чрезмерно жестких мер судебного преследования в рамках соответствующих гражданско-правовых норм в Болгарии и Республике Молдова. Ассамблея, приветствуя усилия Армении по решению вопросов связанных с исками о клевете, призывает власти Армении продолжать работу в этом направлении. Ассамблея выражает озабоченность по поводу попыток восстановить в законодательстве Украины уголовное преследование за диффамацию. Ссылаясь на недавние решение итальянского суда, приговорившего Алессандро Саллусти к 14-ти месячному тюремному заключению, Ассамблея просит Венецианскую комиссию подготовить заключение о том, соответствуют ли итальянские законы о диффамации статье 10 Европейской конвенции о правах человека.

16. Ассамблея напоминает о важнейшей роли обеспечения через СМИ свободы выражения мнений и информации в период подготовки и проведения выборов. Поэтому Ассамблея призывает, в частности, Азербайджан, Армению, Российскую Федерацию, Турцию и Украину, принять меры по устранению недостатков зафиксированных в последних докладах по итогам наблюдения за выборами. Ассамблея напоминает государствам-членам о рекомендациях Комитета министров CM/Rec(2007)15 и R (1999) 15 о мерах, касающихся освещения избирательных кампаний в СМИ. Ассамблея выражает озабоченность по поводу рекордно большого количества нарушений законодательства в отношении журналистов, зафиксированных в Украине за последние десять лет, особенно в ходе парламентских выборов 2012 года.

17. Ассамблея сожалеет о том, что не во всех государствах-членах существует прозрачность в вопросах собственности в сфере СМИ и просит их принять соответствующие положения. Отсутствие прозрачности в этом вопросе обычно используется для прикрытия политических или коммерческих интересов, связанных с контролем за крупными медийными компаниями. Ассамблея призывает государства-члены принять надлежащие меры для обеспечения прозрачности и плюрализма СМИ и для утверждения высоких стандартов журналистики. Ассамблея приветствует доклад по вопросам прозрачности прав владения СМИ в Европе, подготовленный организацией "Access Info Europe" (Мадрид) и Медиа-программой Открытого общества (Лондон) в октябре 2012 года и предлагает Европейской аудиовизуальной обсерватории (Страсбург) продолжать формировать свою базу данных MAVISE по собственникам СМИ и оказывать содействие своим членам в обеспечении прозрачности в вопросах прав собственности на СМИ.

18. Ассамблея с озабоченностью отмечает недавно вскрывшиеся факты сговора СМИ и их владельцев с политиками и чиновниками, которые подрывают веру общественности в демократическую систему и независимость СМИ. Политики и

чиновники не должны допускать каких-либо взаимоотношений со СМИ, которые могли бы привести к коллизии интересов, антикоррупционное законодательство должно выполняться, а СМИ и журналисты должны соблюдать нормы профессиональной этики. В этой связи Ассамблея приветствует проведение британским правительством под руководством лорда-судьи Левесона общественного расследования приемов работы и этических норм британских СМИ после того, как группа News International оказалась в центре скандала, связанного с подкупом полиции и прослушиванием телефонных переговоров.

19. Несмотря на появление все новых цифровых СМИ важнейшим источником информации в Европе остается общественное вещание. Ассамблея с озабоченностью отмечает недавние сообщения об оказании политического давления на общественное вещание в Венгрии, Испании, Италии, Румынии, Сербии и Украине и предлагает Европейскому вещательному союзу взаимодействовать с Советом Европы в этих вопросах. Она напоминает государствам-членам о пунктах 8.20 и 8.21 резолюции 1636 (2008) "Индикаторы положения СМИ в условиях демократии": компании общественного вещания должны быть защищены от политического вмешательства в свою повседневную деятельность и редакционную политику; высокие руководящие должности не должны занимать люди, явным образом связанные с политическими партиями; компании общественного вещания должны создать собственные кодексы поведения, касающиеся работы журналистов и обеспечивающие независимость редакций от политического влияния.

20. Ассамблея выражает сожаление в связи с тем, что власти некоторых государств-членов после смены правительства поменяли руководство общественных вещательных компаний в целях оказания влияния на политическую ориентацию последних. В этой связи особую тревогу вызывает предложение премьер-министра Грузии объединить общественную вещательную корпорацию Грузии с частной вещательной компанией TV9, принадлежащей его жене, а также внести изменения в закон Грузии о вещании

21. Ассамблея выражает обеспокоенность в связи с проведением ряда неожиданных финансовых проверок в общественной вещательной корпорации Грузии и последующими агрессивными политическими высказываниями со стороны высокопоставленных чиновников в правительстве страны на фоне внесения спорных поправок в "Закон о вещании". Данные шаги были предприняты после заявлений премьер-министра страны Бидзини Иванишвили о целесообразности слияния общественной вещательной корпорации с телекомпанией "ТВ 9", владельцем которой является его супруга, а также смены собственников частных СМИ в Грузии

22. Ассамблея сожалеет о том, что многие журналисты в Европе работают в условиях нестабильности, что связано с увеличением числа внештатных должностей, несоблюдением социальных прав и, как правило, низкими доходами

журналистов. В тех случаях, когда работа в таких условиях ослабляет журналистское сообщество, возникает угроза для профессиональных стандартов и этики. Ассамблея напоминает государствам-членам о пересмотренной Европейской социальной хартии (СЕД № 163) и призывает журналистов пользоваться своими коллективными правами для улучшения условий найма.

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО (ИЗВЛЕЧЕНИЯ)

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РФ (ЧАСТЬ 1) от 30 ноября 1994, № 51-ФЗ

Статья 150. Нематериальные блага

1. Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

2. Нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения.

В случаях, если того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо.

В случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами.

Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации

1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом.

По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти.

2. Сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина и распространенные в средствах массовой информации, должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. Гражданин, в отношении которого в средствах массовой информации распространены указанные сведения,

имеет право потребовать наряду с опровержением также опубликования своего ответа в тех же средствах массовой информации.

3. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву.

4. В случаях, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно.

5. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети "Интернет", гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети "Интернет".

6. Порядок опровержения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, в иных случаях, кроме указанных в пунктах 2 - 5 настоящей статьи, устанавливается судом.

7. Применение к нарушителю мер ответственности за неисполнение судебного решения не освобождает его от обязанности совершить предусмотренное решением суда действие.

8. Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, гражданин, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.

9. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, наряду с опровержением таких сведений или опубликованием своего ответа вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений.

10. Правила пунктов 1 - 9 настоящей статьи, за исключением положений о компенсации морального вреда, могут быть применены судом также к случаям распространения любых не соответствующих действительности сведений о гражданине, если такой гражданин докажет несоответствие указанных сведений действительности. Срок исковой давности по требованиям, предъявляемым в связи с распространением указанных сведений в средствах массовой информации, составляет один год со дня опубликования таких сведений в соответствующих средствах массовой информации.

11. Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.

КОДЕКС РФ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
от 30 декабря 2001 года, № 195-ФЗ

Статья 5.61. Оскорбление

1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, -

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на должностных лиц - от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц - от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей.

2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от ста тысяч до пятисот тысяч рублей.

3. Непринятие мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации -

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РФ
от 13 июня 1996 года, № 63-ФЗ

Статья 128.1. Клевета

1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, -

наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо обязательными работами на срок до ста шестидесяти часов.

2. Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, -

наказывается штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов.

3. Клевета, совершенная с использованием своего служебного положения, -
наказывается штрафом в размере до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо обязательными работами на срок до трехсот двадцати часов.

4. Клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, а равно клевета, соединенная с обвинением лица в совершении преступления сексуального характера, -

наказывается штрафом в размере до трех миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо обязательными работами на срок до четырехсот часов.

5. Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, -

наказывается штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов.

Статья 297. Неуважение к суду

1. Неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства, -

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арестом на срок до четырех месяцев.

2. То же деяние, выразившееся в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, -

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев.

Статья 298.1. Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава

1. Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде -

наказывается штрафом в размере до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов.

2. То же деяние, совершенное в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, -

наказывается штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо обязательными работами на срок до трехсот двадцати часов.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, -

наказываются штрафом в размере до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов.

Статья 319. Оскорбление представителя власти

Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением -

наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного месяца, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
от 24 февраля 2005 года, N 3

**«О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И
ДОСТОИНСТВА ГРАЖДАН, А ТАКЖЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ
ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ»**

В соответствии со статьей 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени. Статьей 29 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова, а также свобода массовой информации.

Согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Применительно к свободе массовой информации на территории Российской Федерации действует статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с частью 1 которой каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Вместе с тем в части 2 статьи 10 названной Конвенции указано, что осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия. При этом положения данной нормы должны толковаться в соответствии с правовой позицией Европейского Суда по правам человека, выраженной в его постановлениях.

Предусмотренное статьями 23 и 46 Конституции Российской Федерации право каждого на защиту своей чести и доброго имени, а также установленное статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации право каждого на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации от распространенных не соответствующих действительности порочащих сведений является необходимым ограничением свободы слова и массовой информации для случаев злоупотребления этими правами.

Обсудив материалы проведенного изучения судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, Пленум Верховного Суда

Российской Федерации отмечает, что суды России в основном правильно, с соблюдением требований, предусмотренных статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, рассматривают дела данной категории. Вместе с тем в связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней в судебной практике возникли неясные вопросы, требующие разрешения.

Учитывая это, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства, регулирующего указанные правоотношения, постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. Обратить внимание судов на то, что право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц - одним из условий их успешной деятельности.

В силу статьи 17 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. При этом осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Принимая во внимание эти конституционные положения, суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами - свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (статьи 23, 29, 33 Конституции Российской Федерации), с другой.

По делам данной категории необходимо учитывать разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлениях от 31 октября 1995 г. N 8 "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия" и от 10 октября 2003 г. N 5 "О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации".

При разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и в силу статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ "О

ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" учитывать правовую позицию Европейского Суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего статьи 10), имея при этом в виду, что используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

2. Иски по делам данной категории вправе предъявить граждане и юридические лица, которые считают, что о них распространены не соответствующие действительности порочащие сведения.

При распространении таких сведений в отношении несовершеннолетних или недееспособных иски о защите их чести и достоинства в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 52 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации могут предъявить их законные представители. По требованию заинтересованных лиц (например, родственников, наследников) защита чести и достоинства гражданина допускается и после его смерти (пункт 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Судебная защита чести, достоинства и деловой репутации лица, в отношении которого распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, не исключается также в случае, когда невозможно установить лицо, распространившее такие сведения (например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений в сети Интернет лицом, которое невозможно идентифицировать). В соответствии с пунктом 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации суд в указанном случае вправе по заявлению заинтересованного лица признать распространенные в отношении него сведения не соответствующими действительности порочащими сведениями. Такое заявление рассматривается в порядке особого производства (подраздел IV Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

3. Пунктом 5 части 1 статьи 33 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации установлена специальная подведомственность арбитражным судам дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом согласно части 2 названной статьи указанные дела рассматриваются арбитражными судами независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане. Исходя из этого дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности не подведомственны судам общей юрисдикции.

Если сторонами спора о защите деловой репутации будут юридические лица или индивидуальные предприниматели в иной сфере, не относящейся к

предпринимательской и иной экономической деятельности, то такой спор подведомствен суду общей юрисдикции.

4. В соответствии с пунктами 1 и 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, а юридическое лицо - сведений, порочащих его деловую репутацию. При этом законом не предусмотрено обязательное предварительное обращение с таким требованием к ответчику, в том числе и в случае, когда иск предъявлен к редакции средства массовой информации, в котором были распространены указанные выше сведения. Вместе с тем гражданин вправе обратиться с требованием об опровержении таких сведений непосредственно к редакции соответствующего средства массовой информации, а отказ в опровержении либо нарушение установленного законом порядка опровержения могут быть обжалованы в суд (статьи 43 и 45 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации").

Гражданин, в отношении которого в средствах массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, а также юридическое лицо, если опубликованные сведения порочат его деловую репутацию, имеют право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации (пункты 3, 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, статья 46 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации").

5. Надлежащими ответчиками по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются авторы не соответствующих действительности порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения.

Если оспариваемые сведения были распространены в средствах массовой информации, то надлежащими ответчиками являются автор и редакция соответствующего средства массовой информации. Если эти сведения были распространены в средстве массовой информации с указанием лица, являющегося их источником, то это лицо также является надлежащим ответчиком. При опубликовании или ином распространении не соответствующих действительности порочащих сведений без обозначения имени автора (например, в редакционной статье) надлежащим ответчиком по делу является редакция соответствующего средства массовой информации, то есть организация, физическое лицо или группа физических лиц, осуществляющие производство и выпуск данного средства массовой информации (часть 9 статьи 2 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"). В случае, если редакция средства массовой информации не является юридическим лицом, к участию в деле в качестве ответчика может быть привлечен учредитель данного средства массовой информации.

Если истец предъявляет требования к одному из надлежащих ответчиков, которыми совместно были распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, суд вправе привлечь к участию в деле ответчика лишь при невозможности рассмотрения дела без его участия (статья 40 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

В случае, когда сведения были распространены работником в связи с осуществлением профессиональной деятельности от имени организации, в которой он работает (например, в служебной характеристике), надлежащим ответчиком в соответствии со статьей 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации является юридическое лицо, работником которого распространены такие сведения. Учитывая, что рассмотрение данного дела может повлиять на права и обязанности работника, он может вступить в дело в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне ответчика, либо может быть привлечен к участию в деле по инициативе суда или по ходатайству лиц, участвующих в деле (статья 43 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

6. Если действия лица, распространившего не соответствующие действительности порочащие сведения, содержат признаки преступления, предусмотренного статьей 129 Уголовного кодекса Российской Федерации (клевета), потерпевший вправе обратиться в суд с заявлением о привлечении виновного к уголовной ответственности, а также предъявить иск о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства.

Отказ в возбуждении уголовного дела по статье 129 Уголовного кодекса Российской Федерации, прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства.

7. По делам данной категории необходимо иметь в виду, что обстоятельствами, имеющими в силу статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации значение для дела, которые должны быть определены судьей при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству, а также в ходе судебного разбирательства, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом.

Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных

средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам.

Судам следует иметь в виду, что в случае, если не соответствующие действительности порочащие сведения были размещены в сети Интернет на информационном ресурсе, зарегистрированном в установленном законом порядке в качестве средства массовой информации, при рассмотрении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо руководствоваться нормами, относящимися к средствам массовой информации.

Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок (например, не могут быть опровергнуты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации сведения, изложенные в приказе об увольнении, поскольку такой приказ может быть оспорен только в порядке, предусмотренном Трудовым кодексом Российской Федерации).

Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

8. Судам необходимо отграничивать дела о защите чести, достоинства и деловой репутации (статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) от дел о защите других нематериальных благ, перечисленных в статье 150 этого Кодекса, нарушенных в связи с распространением о гражданине сведений, неприкосновенность которых специально охраняется Конституцией Российской Федерации и законами, и распространение которых может причинить моральный вред даже в случае, когда эти сведения соответствуют действительности и не порочат честь, достоинство и деловую репутацию истца.

В частности, при разрешении споров, возникших в связи с распространением информации о частной жизни гражданина, необходимо учитывать, что в случае, когда имело место распространение без согласия истца или его законных представителей соответствующих действительности сведений о его частной жизни, на ответчика может быть возложена обязанность компенсировать моральный вред, причиненный распространением такой информации (статьи 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации). Исключения составляют случаи, когда средством массовой информации была распространена информация о частной жизни истца в целях защиты общественных интересов на основании пункта 5 статьи 49 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации". Эта норма корреспондируется со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Если же имело место распространение не соответствующих действительности порочащих сведений о частной жизни истца, то ответчик может быть обязан опровергнуть эти сведения и компенсировать моральный вред, причиненный распространением такой информации, на основании статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

9. В силу пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений.

Вместе с тем исходя из пункта 3 названной статьи в случае, когда гражданином, в отношении которого средством массовой информации опубликованы соответствующие действительности сведения, ущемляющие его права и охраняемые законом интересы, оспаривается отказ редакции средства массовой информации опубликовать его ответ на данную публикацию, истец обязан доказать, что распространенные сведения ущемляют его права и охраняемые законом интересы.

В соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Судам следует иметь в виду, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.

Лицо, которое полагает, что высказанное оценочное суждение или мнение, распространенное в средствах массовой информации, затрагивает его права и законные интересы, может использовать предоставленное ему пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 46 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" право на ответ, комментарий, реплику в том же средстве массовой информации в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений, предложив их иную оценку.

Если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (статья 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации).

10. Статьей 33 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан направлять личные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, которые в пределах своей компетенции обязаны рассматривать эти обращения, принимать по ним решения и давать мотивированный ответ в установленный законом срок.

Судам необходимо иметь в виду, что в случае, когда гражданин обращается в названные органы с заявлением, в котором приводит те или иные сведения (например, в правоохранительные органы с сообщением о предполагаемом, по его мнению, или совершенном либо готовящемся преступлении), но эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения, данное обстоятельство само по себе не может служить основанием для привлечения этого лица к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку в указанном случае имела место реализация гражданином конституционного права на обращение в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию, а не распространение не соответствующих действительности порочащих сведений.

Такие требования могут быть удовлетворены лишь в случае, если при рассмотрении дела суд установит, что обращение в указанные органы не имело под собой никаких оснований и продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а

исключительно намерением причинить вред другому лицу, то есть имело место злоупотребление правом (пункты 1 и 2 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации).

11. Судам необходимо иметь в виду, что в случае, когда сведения, по поводу которых возник спор, сообщены в ходе рассмотрения другого дела участвовавшими в нем лицами, а также свидетелями в отношении участвовавших в деле лиц, являлись доказательствами по этому делу и были оценены судом при вынесении решения, они не могут быть оспорены в порядке, предусмотренном статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, так как нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлен специальный порядок исследования и оценки данных доказательств. Такое требование, по существу, является требованием о повторной судебной оценке этих сведений, включая переоценку доказательств по ранее рассмотренным делам.

Если же такие сведения были распространены в ходе рассмотрения дела указанными выше лицами в отношении других лиц, не являющихся участниками судебного процесса, то эти лица, считающие такие сведения не соответствующими действительности и порочащими их, могут защитить свои права в порядке, предусмотренном статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

12. Обратить внимание судов на то, что содержащийся в статье 57 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" перечень случаев освобождения от ответственности за распространение недостоверных порочащих сведений является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Например, не может служить основанием для освобождения от ответственности ссылка представителей средств массовой информации на то обстоятельство, что публикация представляет собой рекламный материал. В силу статьи 36 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" распространение рекламы в средствах массовой информации осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о рекламе. Согласно пункту 1 статьи 1 Федерального закона от 18 июля 1995 г. N 108-ФЗ "О рекламе" одной из его целей является предотвращение и пресечение ненадлежащей рекламы, способной причинить вред чести, достоинству или деловой репутации граждан. Исходя из этого, если в рекламном материале содержатся не соответствующие действительности порочащие сведения, то к ответственности на основании статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации могут быть привлечены также граждане и организации, представившие данные сведения, если они не докажут, что эти сведения соответствуют действительности. На редакцию средства массовой информации при удовлетворении иска может быть возложена обязанность сообщить о решении суда и в случае, если имеются основания, исключающие ее ответственность.

При применении статьи 57 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" судам следует учитывать происшедшие с момента принятия Закона изменения в законодательстве Российской Федерации. Исходя из этого пункт 3 части 2 указанной статьи необходимо понимать как относящийся к сведениям, содержащимся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб не только государственных органов, но и органов местного самоуправления. Аналогичным образом пункт 4 части 2 данной статьи касается дословного воспроизведения фрагментов выступлений членов выборных органов государственной власти и местного самоуправления.

13. При рассмотрении исков, предъявленных к редакции средства массовой информации, его автору, учредителю о привлечении к предусмотренной статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации ответственности за распространение не соответствующих действительности порочащих сведений необходимо учитывать, что в случае, когда выпуск средства массовой информации, в котором были распространены такие сведения, на время рассмотрения спора прекращен, суд вправе обязать ответчика за свой счет дать опровержение или оплатить публикацию ответа истца в другом средстве массовой информации.

14. С учетом того, что требования о защите чести, достоинства и деловой репутации являются требованиями о защите неимущественных прав, на них в силу статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации исковая давность не распространяется, кроме случаев, предусмотренных законом.

Судам необходимо иметь в виду, что в соответствии со статьями 45 и 46 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" отказ редакции средства массовой информации в опровержении распространенных им не соответствующих действительности порочащих сведений либо в помещении ответа (комментария, реплики) лица, в отношении которого средством массовой информации распространены такие сведения, может быть обжалован в суд в течение года со дня распространения указанных сведений. Поэтому пропуск без уважительных причин названного годичного срока может служить самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении иска о признании необоснованным отказа редакции средства массовой информации в опровержении распространенных им сведений и помещении ответа истца в том же средстве массовой информации. При этом лицо, в отношении которого были распространены такие сведения, вправе обратиться в суд с иском к редакции средства массовой информации о защите чести, достоинства и деловой репутации без ограничения срока.

15. Статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации предоставляет гражданину, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, право наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда. Данное правило в

части, касающейся деловой репутации гражданина, соответственно применяется и к защите деловой репутации юридических лиц (пункт 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации). Поэтому правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица.

Компенсация морального вреда определяется судом при вынесении решения в денежном выражении. При определении размера компенсации морального вреда судам следует принимать во внимание обстоятельства, указанные в части 2 статьи 151 и пункте 2 статьи 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Если не соответствующие действительности порочащие сведения распространены в средствах массовой информации, суд, определяя размер компенсации морального вреда, должен учесть характер и содержание публикации, а также степень распространения недостоверных сведений. При этом подлежащая взысканию сумма компенсации морального вреда должна быть соразмерна причиненному вреду и не вести к ущемлению свободы массовой информации.

Требование о компенсации морального вреда может быть заявлено самостоятельно, если, например, редакция средства массовой информации добровольно опубликовала опровержение, удовлетворяющее истца. Это обстоятельство должно быть учтено судом при определении размера компенсации морального вреда.

Судам следует иметь в виду, что моральный вред, хотя он и определяется судом в конкретной денежной сумме, признается законом вредом неимущественным и, следовательно, государственная пошлина должна взиматься на основании подпункта 3 пункта 1 статьи 333.19 Налогового кодекса Российской Федерации, а не в процентном отношении к сумме, определенной судом в качестве компенсации причиненного истцу морального вреда.

16. В случае, когда вместе с требованием о защите чести и достоинства гражданина либо деловой репутации гражданина или юридического лица заявлено требование о возмещении убытков, причиненных распространением порочащих сведений, суд разрешает это требование в соответствии со статьей 15 и пунктами 5, 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

17. При удовлетворении иска суд в резолютивной части решения обязан указать способ опровержения не соответствующих действительности порочащих сведений и при необходимости изложить текст такого опровержения, где должно быть указано, какие именно сведения являются не соответствующими действительности порочащими сведениями, когда и как они были распространены, а также определить срок (применительно к установленному

статьей 44 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"), в течение которого оно должно последовать.

Опровержение, распространяемое в средстве массовой информации в соответствии со статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, может быть облечено в форму сообщения о принятом по данному делу судебном решении, включая публикацию текста судебного решения.

18. Обратить внимание судов, что на основании статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации судебная защита чести, достоинства и деловой репутации может осуществляться путем опровержения не соответствующих действительности порочащих сведений, возложения на нарушителя обязанности выплаты денежной компенсации морального вреда и возмещения убытков. При этом необходимо учитывать, что компенсация морального вреда и убытки в случае удовлетворения иска подлежат взысканию в пользу истца, а не других указанных им лиц.

Согласно части 3 статьи 29 Конституции Российской Федерации никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и другими нормами законодательства не предусмотрено, поэтому суд не вправе обязывать ответчиков по данной категории дел принести истцам извинения в той или иной форме.

Вместе с тем суд вправе утвердить мировое соглашение, в соответствии с которым стороны по обоюдному согласию предусмотрели принесение ответчиком извинения в связи с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении истца, поскольку это не нарушает прав и законных интересов других лиц и не противоречит закону, который не содержит такого запрета.

19. В связи с принятием данного Постановления признать утратившим силу Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 1992 г. N 11 "О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" в редакции Постановления Пленума от 21 декабря 1993 г. N 11, с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением Пленума от 25 апреля 1995 г. N 6.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
от 15 июня 2010 года, N 16

«О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ЗАКОНА РФ
«О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»

Согласно статье 29 Конституции Российской Федерации каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Каждому гарантируется свобода мысли и слова, свобода массовой информации. Цензура запрещается.

В соответствии с пунктом 1 статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Свобода выражения мнений и убеждений, свобода массовой информации составляют основы развития современного общества и демократического государства.

Вместе с тем осуществление названных прав и свобод может быть сопряжено с определенными ограничениями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе.

Конституция Российской Федерации устанавливает запрет на пропаганду и агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также на пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (статья 29). Законом Российской Федерации "О средствах массовой информации" установлен запрет на злоупотребление свободой массовой информации.

При применении законодательства, регулирующего вопросы свободы слова и свободы массовой информации, судам необходимо обеспечивать баланс между правами и свободами, гарантированными статьей 29 Конституции Российской Федерации, с одной стороны, и иными правами и свободами человека и гражданина, а также охраняемыми Конституцией Российской Федерации ценностями, с другой.

<...>

3. При разрешении дел, связанных с деятельностью средств массовой информации, необходимо принимать во внимание, что осуществление свободы выражения мнений и свободы массовой информации налагает особые

обязанности, особую ответственность и может быть сопряжено с ограничениями, установленными законом и необходимыми в демократическом обществе для уважения прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности и общественного порядка, предотвращения беспорядков и преступлений, охраны здоровья и нравственности, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия (статья 29 Всеобщей декларации прав человека, пункт 3 статьи 19 и статья 20 Международного пакта о гражданских и политических правах, пункт 2 статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статьи 29 и 55 Конституции Российской Федерации).

Положения части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации предусматривают, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

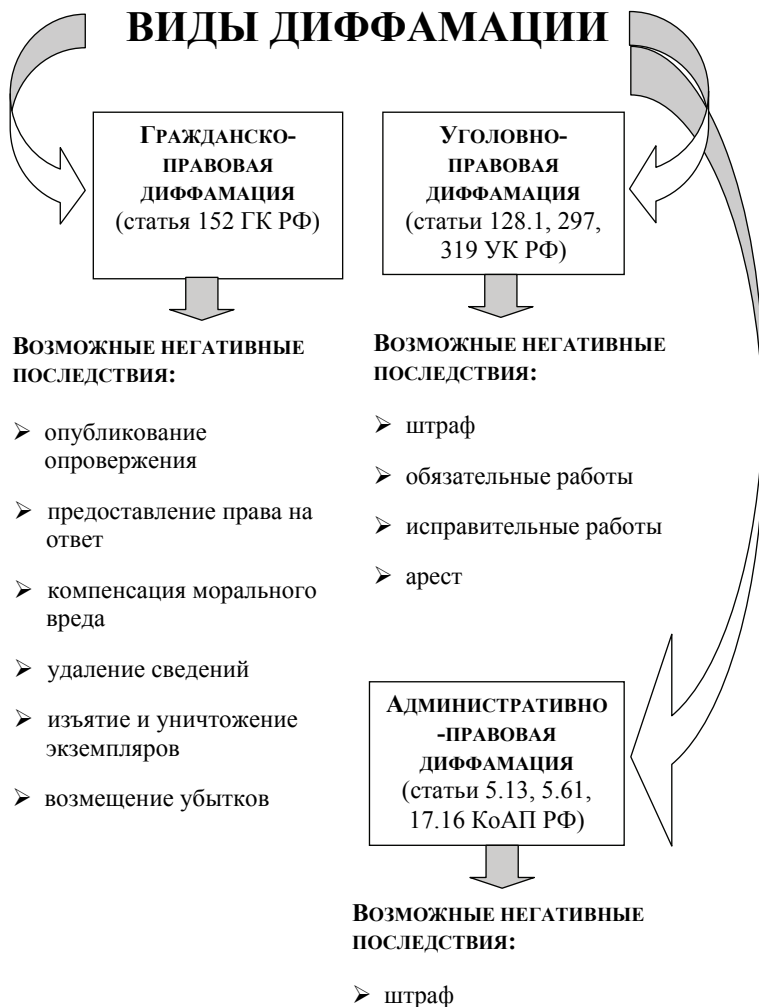
<...>

10. Статьей 33 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан направлять личные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, которые в пределах своей компетенции обязаны рассматривать эти обращения, принимать по ним решения и давать мотивированный ответ в установленный законом срок.

Судам необходимо иметь в виду, что в случае, когда гражданин обращается в названные органы с заявлением, в котором приводит те или иные сведения (например, в правоохранительные органы с сообщением о предполагаемом, по его мнению, или совершенном либо готовящемся преступлении), но эти сведения в ходе их проверки не нашли подтверждения, данное обстоятельство само по себе не может служить основанием для привлечения этого лица к гражданско-правовой ответственности, предусмотренной статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку в указанном случае имела место реализация гражданином конституционного права на обращение в органы, которые в силу закона обязаны проверять поступившую информацию, а не распространение не соответствующих действительности порочащих сведений.

Такие требования могут быть удовлетворены лишь в случае, если при рассмотрении дела суд установит, что обращение в указанные органы не имело под собой никаких оснований и продиктовано не намерением исполнить свой гражданский долг или защитить права и охраняемые законом интересы, а исключительно намерением причинить вред другому лицу, то есть имело место злоупотребление правом (пункты 1 и 2 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации).

<...>

Центр Защиты Прав СМИ - некоммерческая организация, основной целью которой является защита прав редакций СМИ и правовая защита журналистов, содействие в становлении в России института свободы слова и свободы выражения мнения как фундаментального элемента демократического, правового государства, расширение практических возможностей журналистов и общества в целом для отстаивания своих конституционных прав на свободу слова и свободу выражения мнения, свободное получение и распространение информации.

Центр зарегистрирован в ноябре 1996 года, располагается в Воронеже, основную часть своих программ выполняет на территории Центральной России, тем не менее, предоставляя правовую помощь журналистам из любых российских регионов.

Центр признан экспертной организацией в области защиты прав журналистов и в целом свободы слова на международном уровне, представляя интересы профессионального сообщества в Европейском Суде по правам человека, Совете Европы, в рамках двустороннего диалога Европейского Союза и России по правам человека.

ЮРИДИЧЕСКАЯ СЛУЖБА:

В Центре работают высоко квалифицированные юристы - специалисты в области медиа-права, которые:

- Ежегодно ведут до 100 судебных процессов на стороне прессы, журналистов в судах разных уровней и разных регионов. Большинство дел – это иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, о вмешательстве в частную жизнь, нарушение законодательства о выборах, о рекламе, авторских прав. Юристы Центра также могут выступить в защиту гражданина или организации, когда правовой спор касается реализации им права на свободу выражения мнения или доступ к информации.
- В постоянном режиме консультируют более 100 редакций СМИ, в том числе осуществляя предпечатную правовую проверку готовящихся к выходу в свет (в эфир) текстов для многих редакций.
- Ведут дела в Европейском суде по правам человека по делам, затрагивающим право на свободу выражения мнения.
- Проводят правовую экспертизу по запросам следственных органов и судов, анализа региональных нормативных актов в информационной сфере, оказывают помощь законодательным органам регионов, органам местного самоуправления, учреждениям в разработке таких документов (например, положений об аккредитации).

- Проводят аналитические правовые исследования в области законодательства и судебной практики в сфере медиа-права.

МОНИТОРИНГ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ:

- С 1996 года ведет постоянный мониторинг нарушений профессиональных прав редакций СМИ и журналистов на территории Центрально-Черноземного региона, который является частью общероссийской картины состояния прессы, собираемой по крупицам нашими коллегами из Фонда Защиты Гласности.
- Проводит мониторинговые исследования освещения предвыборной кампании в прессе региона, нарушений права на доступ к информации, нарушений норм профессиональной этики журналиста и др.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

- Проводит просветительские и образовательные мероприятия – практические семинары-тренинги, круглые столы, конференции, в области медиа-права, международных стандартов в области свободы выражения мнения, доступа к информации, в частности, практики применения Европейской Конвенции по правам человека.
- Основной аудиторией данного направления деятельности являются журналисты, медиа-юристы, адвокаты, судьи, сотрудники пресс-служб органов государственной власти, местного самоуправления, правоохранительных органов, руководители редакций СМИ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:

- С 2000 года издает ежеквартальный бюллетень «Правовой путеводитель: mass media».
- Центр издает широкий спектр практических правовых изданий по разным темам в области сферы своей деятельности.
- Поддерживает web-сайт www.mmdc.ru и разработанную нами уникальную online базу данных российской судебной практики в области информационного права www.media-pravo.info

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Почтовый адрес: 394036, г. Воронеж, а/я 560

Фактический адрес: г. Воронеж, ул. Кольцовская, 82

Тел/факс: 8 (473) 277-82-26

Тел.: 8 (473) 277-83-00, 220-46-97

mail@mmdc.ru

www.mmdc.ru

www.media-pravo.info

ЦЕНА СЛОВА: новые грани диффамации

Редактор –Арапова Г. Ю.

Коллектив авторов:

Арапова Г. Ю. – гл. 2, 4

Кузеванова С. И. – гл. 3, 4

Ледовских М. А. – гл. 1, 4

Оформление:

Ледовских И. Ю.

Подписано в печать 31.10.2013
Формат 60х90 1/16 Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Объем: усл. печ. л. 7,5

Тираж 500 экз. Заказ №24

ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ПРАВ
СМИ
Региональный Фонд

mail@mmdc.ru
www.mmdc.ru